

МЕМОАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

Литературный факт.
2023. № 1 (27)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (27), 2023

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-56-96>
<https://elibrary.ru/SIPBMH>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Ю.Н. Верховский. Письма к Г.И. и Н.Г. Чулковым

© 2023, А.Л. Соболев

Независимый исследователь

Аннотация: Впервые публикуются в полном объеме письма Юрия Никандровича Верховского к Георгию Ивановичу и Надежде Григорьевне Чулковым. Эта переписка, продлившаяся без малого тридцать лет, представляет собой значительный источник сведений по истории русского модернизма: среди упоминаемых в ней лиц — А.А. Блок, В.И. Иванов, А.М. Ремизов, И.А. Новиков, М.А. Цявловский, М.А. Зенкевич, А.С. Долинин, Ю.Н. Тынянов, А.А. Ахматова, А.Н. Толстой и многие другие. Отдельные послания посвящены локальным эпизодам культурного процесса: несостоявшейся поэтической серии издательства Academia, знаменитому «делу об обезьяньем хвосте», вызвавшему разлад в литературном мире; работе Верховского над комментарием к собранию сочинений Е.А. Баратынского; попыткам издания прозаических опытов выдающегося археолога Б.Л. Богаевского; рецепции пропавших романов А.Д. Скалдина. Значительный интерес представляют материалы к собственному жизнеописанию автора писем: впервые выясняются обстоятельства издания, бытования и рецепции сборника его стихов «Солнце в заточении», многолетние попытки публикации перевода «Фьезоланских нимф» Д. Бокаччо, тонкости его работы для Государственной Академии Художественных наук, «Большой советской энциклопедии», преподавания на Высших Государственных литературных курсах — и сопоставимо принципиальная для его биографии череда житейских и бытовых проблем, подробно изложенных в посланиях к одному из немногих конфидентов. Письма сопровождаются подробнейшим историко-литературным комментарием.

Ключевые слова: Ю.Н. Верховский, Г.И. Чулков, эпистолярный, символизм, модернизм, «дело об обезьяньем хвосте», издательство Academia, ГАХН.

Информация об авторе: Александр Львович Соболев — независимый исследователь, Москва, Россия.

E-mail: trirodov@gmail.com

Для цитирования: Ю.Н. Верховский. Письма к Г.И. и Н.Г. Чулковым / подгот. текста и коммент. А.Л. Соболева // Литературный факт. 2023. № 1 (27). С. 56–96. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-56-96>

Безапелляционно причисленные ранжирующей постсоветской филологией к второразрядным поэтам, Юрий Никандрович Верховский (1878–1956) и Георгий Иванович Чулков (1879–1939) имеют немало роднящих их черт и помимо этого незначительного обстоятельства. Они практически ровесники (Чулков на полгода моложе), оба — выпускники классических гимназий; почти одновременно дебютировали в литературе. И Верховский, и Чулков входили в ближайший дружеский круг Вячеслава Иванова. У обоих весьма представительная библиография — по десятку книг и не одной сотне публикаций в периодической печати. Оба, оставшись после большевистского переворота в России, избежали репрессий и умерли в своих постелях.

При этом замечательнейшая из параллелей их судеб лежит вне формальной стороны биографии — оба они были весьма значительными филологами, причем со смежными научными интересами. Вообще за трехвековую историю русской поэзии она никогда не была так тесно сплетена с филологической наукой как в модернистские четверть века — но даже на общем фоне ученые штудии Верховского и Чулкова не теряются: труды первого о Баратынском и второго о Тютчеве и не думают устаревать. Известно, что занятия дисциплинирующей наукой бросают отсвет и на собственные привычки ученого, что хорошо видно по публикуемой ниже переписке: историк литературы, намучившийся с датировкой письма вековой давности, инстинктивно старается облегчить участь будущего коллеги, скрупулезно снабжая исходящие послания помогающими работе публикатора пометами.

Сохранившаяся далеко не полностью переписка (писем Чулковых не осталось вовсе; в посланиях Верховского зияют очевидные лакуны) лишь отчасти позволяет восстановить хронологию их почти сорокалетнего знакомства. Краткий очерк их взаимоотношений содержится в двух мемуарных фрагментах, принадлежащих перу супругов Чулковых. Воспоминания Георгия Ивановича общеизвестны¹; отрывок из ненапечатанной книги его жены приведем полностью:

В этом <1908> году мы познакомились с Ю.Н. Верховским, он стал нашим другом до конца жизни Г.Ив. и до сих пор пребывает верен его памяти.

¹ Чулков Г.И. Годы странствий. М.: Федерация, 1930. С. 171–172.

В 1904 году в Петербурге вышел литературный альманах — «Зеленый сборник»². В нем Верховский впервые напечатал свои стихи. В этом же сборнике впервые поместил свой рассказ «Драматическая поэма» — Михаил Кузмин³. В бытность журнала «Новый путь» и «Вопросы жизни» мы его не знали.

Верховский стал бывать у нас, у Сологуба и Вячеслава Иванова.

Он был всегда тих, скромн, изысканно вежлив. Много писал стихов и охотно их читал. В то время он готовил труд по исследованию творчества поэта Баратынского. Коренной петербуржец, он хорошо знал Петербург и ценил его красоту.

Его любил Вячеслав Иванов. Между ними иногда возникала переписка в стихах, когда они жили в разных городах⁴.

Верховский прекрасный переводчик иностранных поэтов как современных, так и античных.

Александр Блок где-то выразился о его поэзии: «У него очень точный чертеж, но слабый нажим пера»⁵.

Первые книги Верховского были изданы в изд. «Скорпион» — «Разные стихотворения». С. П. 1908 г. и изд. «Оры» — «Идиллии и элегии» С. П. 1910 г.

Юрий Никандрович в молодости был щедр на альбомные стихи. Он воспевал женственность и женскую красоту.

Нашей приятельнице художнице Евдокии Ивановне Лосевой⁶ он посвятил целую книгу стихов и подарил ей эту книгу, переписав ее собственноручно⁷.

Он очень рассеян и медлителен. Два или три раза, при переездах из одного города в другой, он терял чемодан с рукописями, иногда это был плод многолетнего усидчивого труда. Так пропали материалы для работы о Баратынском и Дельвиге. Во время эвакуации в войну

² Правильнее — «Зеленый сборник стихов и прозы» (СПб.: Книгоизд-во «Щелканово», 1905). Вышел он, впрочем, действительно в декабре 1904 г.

³ М. А. Кузмин напечатал в альманахе цикл из тринадцати сонетов и «драматическую поэму» «История рыцаря д'Алессиво».

⁴ Подробнее см.: [11, с. 394–425].

⁵ Из письма Блока к Верховскому от 25 февраля 1913 г. Письмо это известно лишь в собственной копии Верховского; оригинал его не сохранился. В каталоге переписки Блока оно упомянуто в разделе «Перечень несохранившихся и неразысканных писем А. А. Блока» [2, с. 476]. Впервые оно опубликовано (по тексту мемуарного очерка Верховского) в работе: [1, с. 122–123]. Очевидно, что Н. Г. Чулкова была знакома с воспоминаниями Верховского и запомнила из них эту фразу. Полностью очерк напечатан лишь в книге: [6, с. 706–715].

⁶ См. о ней примеч. 7 к публикуемому далее письму 4.

⁷ Ныне эта рукопись находится в собрании автора настоящей публикации.

1941 года у него дорогою украли чемодан, где были все его стихи за всю жизнь — воры не ожидали найти в чемодане только испи-санную бумагу, которую они и бросили, конечно. Никакие хлопоты не помогли ему отыскать следы этой пропажи. Остались дома лишь черновики стихов в небольшом количестве и переводы Петрарки.

Я познакомилась с его женой Александрой Павловной, тоже скромной и тихой женщиной⁸. Тогда у них было двое маленьких детей: сын Никита и дочь Поликсена⁹. Мы подружились с Ю.Н., и мой муж был с ним «на ты». В первые годы нашего знакомства он посвятил мне несколько стихотворений, которые в молодости мне льстили и радовали меня¹⁰. Георгию Ивановичу он посвятил тоже несколько стихотворений, некоторые из них привожу здесь.

Г.И. Чулкову¹¹

Скажи, когда твоей встревоженной души
Коснется шепот вещей музыки,
Мгновенья вечные не вновь ли хороши
Сознанию, свергнувшему узы?

И ныне скорбною годиною тяготы
Неизживаемой, — богато.
Вот музой Тютчева любовно взыскан ты,
Я — музою его собрата.

Не потому ли так осветлены порой
Твоей печали песнопенья
И так молитвенный высок и верен строй
Души глубинного горенья?

⁸ «В молодости А.П. вызвала А. Блока на умиленную похвалу ее “старинной красоте и простоте”. См. дневник Блока» (*примеч. Н.Г. Чулковой*).

Имеется в виду запись из дневника Блока от 30 октября 1911 г.: «После обеда пришла Александра Павловна Верховская, которая послезавтра едет в Тифлис. Очаровательная, старинная, нежная красота, женственность, материнство, тонкий, легкий ум в каждом слове и нежное лукавство» [3, с. 79].

⁹ Никита Юрьевич (1903–1954) стал поэтом, переводчиком и исследователем эстрады. Поликсена Юрьевна была художницей. Самые поздние из известных нам документов, принадлежащих ее перу — письма марта и мая 1964 г., адресованные Д.Е. Михальчи (РГБ. Ф. 768. Карт. 31. Ед. хр. 27) и касающиеся посмертного (несостоявшегося) издания стихов ее отца.

¹⁰ Часть этих стихотворений не разыскана; о сохранившихся см. примеч. 6 к письму 16.

¹¹ «Напечатано в книге Г. Чулкова “Годы странствий”, стр. 172» (*примеч. Н.Г. Чулковой*).

На миг не оттого ль мой истомленный стих
 Все радостней и неуклонней
 Коснется вдруг, слепец, житейских струн своих
 И вожденнейших гармоний?

Так тихая судьба в путях кремнистых нам
 Таинственной и откровенней
 Возносит на горе единый светлый храм
 Сочувствия и благословений.
 Ю. Верховский

(1921)?¹²

Юрий Никандрович почти ровесник моего мужа, и их литературная деятельность началась в один и тот же год. Когда в 1924 году исполнилось 20-летие их работы в литературе, он написал Чулкову стихотворение:

Георгию Ивановичу Чулкову¹³

*И одной пятой своею
 Невредим ты, если ею
 На живую веру стал.
 Баратынский*

Так, милый друг вот мы и старики.
 И седины друг другу мы лелеем,
 Невинным простодушным юбилеем,
 От суетного мира далеки.

Не знай же ни тревоги, ни тоски.
 Мы о былом и впредь не пожалеем:
 Ты помнишь, как рожденного Пелеем
 Мечты поэта вызвали, легки.

¹² Рукопись стихотворения сохранилась, оно датировано 14/27 октября 1921 г. (РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 308. Л. 19). Верховский помечал стихи и письма двойной датой до 1940-х гг.

¹³ «Напечатаны в книге Г. Чулкова “Годы странствий” стр. 171 изд. “Федерация” М. 1930» (примеч. Н.Г. Чулковой).

Итак, перед грядущими годами
Неуязвимой твердою пятой
На вере, как стоял, спокойно стой.

Пусть годовщины сменятся над нами
И мирною улыбкой тишины
Вновь обласкают наши седины.
18 ноября 1924 г.

Во время предсмертной болезни Г. И-ча Верховский написал ему последнее посвящение:

Другу Георгию

Береги цветы, что она посадила,
Что она возрастила в саду своем:
В них — дыханье ее, в них глубинная сила,
Этой силою мы и живем, и поем.

Семена золотые уронят — и в небо
Снова будут глядеть, небо — их обнимать.
Ты лобзай цветы — и даянье хлеба, —
Не едина ль потреба? — ответит мать.
Юр. Верховский
20–21/XI–938¹⁴.

И, наконец, стихи, посвященные памяти Георгия Ивановича.

Ю. Верховский

Памяти Г.И. Чулкова

Близится наша с тобой годовщина, друг мой далекий,
Хочется даже сказать: «Помнишь?» — Шепну и молчу.
Как же я молвил: «далекий», когда, хоть тебя и не вижу,
Теплым пожатыем руки – вот обменялся с тобой?

¹⁴ На рукописи этого стихотворения, отложившейся в архиве, Н.Г. Чулкова сделала помету: «Стихотворение написано, когда Георгий Иванович Чулков лежал уже в предсмертной болезни. Накануне был разговор на тему о женственном начале и могуществе в мировой жизни и после того Юрий Никандрович Верховский написал это стихотворение, очень утешившее больного» (РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 308. Л. 25).

Милый, спасибо тебе за песни, что мне ты оставил:
Тихие эти листы сердца вещанья таят.
Жду, проведется оно в поминальный вечер поэтов,
Ежели мне одному чашу поднять суждено¹⁵.

4/IV–939. Москва.

Я пишу эти строки в 1953 году. 5-го июня этого года Литфонд в Москве устраивает празднование семидесятилетия Юрия Никандровича. К этому юбилею Гослитиздат выпускает его перевод в стихах Джордано Бруно¹⁶.

Сохранившиеся письма Верховского к Чулковым распределены между тремя единицами хранения двух архивов: РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 308; РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 542; РГБ. Ф. 371. Карт. 2. Ед. хр. 70. Здесь они печатаются с сохранением авторской орфографии, пунктуации и синтаксиса, а также подчеркиваний. Расшифровки приводятся в угловых скобках. Общеизвестные имена и понятия не комментируются.

1. *Ю.Н. Верховский — Г.И. Чулкову*
*10 февраля 1911. Санкт-Петербург*¹

10.П.911.

Многоуважаемый Георгий Иванович
Мне очень жаль, что Вы и профессор Яценко не застали меня².
Может быть Вы бы заехали ко мне сегодня же: я вечером дома.
Завтра я рассчитываю быть дома после четырех часов — и до
вечера.
Буду Вас ожидать.

Преданный Вам Юрий Верховский.

P.S. К сожалению, не удалось за поздним временем отправить письмо с посылным и приходится отложить наше свидание до завтра.

¹⁵ «В этом стихотворении говорится о предстоящем юбилее их литературной деятельности» (примеч. Н.Г. Чулковой).

¹⁶ Чулкова Н.Г. Воспоминания о моей жизни с Г.И. Чулковым и о встречах с замечательными людьми (РГБ. Ф. 371. Карт. 6. Ед. хр. 1. Л. 118–123).

¹ РГБ. Ф. 371. Карт. 2. Ед. хр. 70. Л. 1.

² Это письмо — часть легендарного «дела об обезьяньем хвосте», всколыхнувшего литературный мир обеих столиц. В настоящее время оно тщательно описано (см.: [14, с. 448–465]), благодаря чему можно ограничиться лишь кратким напоминанием контекста. На новогоднем празднике у Ф. Сологуба и А.Н. Чеботаревской 3 января 1911 г. А.М. Ремизов был в маскарадном костюме, состоявшем из обезьяньего хвоста, пришпиленного в разрезе пиджака. Чеботаревская выяснила, что этот хвост был отрезан от обезьяньей шкуры, которую она попросила взаймы у одного из своих знакомых по просьбе А.Н. Толстого, устраивавшего накануне свой собственный маскарад. Ремизов засвидетельствовал, что хвост к нему попал уже в отчужденном виде, так что гнев Сологубов пал на Толстого. Среди прочего, Сологуб отправил Чулкову и Верховскому однотипные письма, в которых в ультимативной форме сообщалось, что если адресат продолжит поддерживать отношения с Толстым, то Сологуб исключит его из числа друзей. Отреагировали они противоположным образом: Чулков ультиматум проигнорировал, а Верховский отправил Сологубу примирительное письмо, а Толстому — письмо с разрывом, которое адресат счел оскорблением, вызвав его письмом 8 февраля 1911 г. на третейский суд. На следующий день Верховский предложил Толстому прислать к нему своих доверителей, каковыми и были Чулков и юрист Александр Семенович Ященко (1877–1934). Посредниками со стороны Верховского были А. Блок и Е.В. Аничков.

*2. Ю.Н. Верховский — Г.И. Чулкову
13 февраля 1911. Санкт-Петербург¹*

13.П.911.

Многоуважаемый Георгий Иванович

Спешу известить Вас, что на рассмотрение посредниками (а не третейским судом, — что выяснилось сегодня из разговора с проф<ессором> Ященком и Вами) дела, возникшего между гр. А.Н. Толстым и мною, я согласен и посредниками с своей стороны пригласил Евгения Васильевича Аничкова и Александра Александровича Блока, к которым и прошу обратиться посредников графа А.Н. Толстого².

Преданный Вам Юрий Верховский.

¹ РГБ. Ф. 371. Карт. 2. Ед. хр. 70. Л. 2.

² См. примеч. 2 к письму 1.

3. Ю.Н. Верховский — Г.И. Чулкову
10 ноября 1921. Петроград¹

Петербург, Пет<роградская> ст<орона>,
Александровский пр., 3, кв. Каратыгиных².
Петербург.

10.XI.921. Н<овый> с<тиль>.

Дорогой Георгий Иванович

Вчерашнего числа благополучно прибыл я в здешнюю столицу после нарочито тяжкого и трудного пути. Но так как на поезд я не опоздал, то и обнаружил вскоре по выезде некоторый существенный ущерб, понесенный моим дорожным багажом, в силу той поспешности, с каковою он был уложен при сборах моих весьма кратких в столь далекий и преткновениями обильный путь.

Нет, но Вы знаете — больше всего, больше отсутствия самих забытых вещей приводит меня в уныние необходимость просить Вас привезти, когда Вы поедете сюда, что возможно из этих вещей и затем — то, что среди забытого — маленькая посылка Ольге Николаевне Названовой от ее брата³ — сверток, неизвестно что содержащий: этого не значится и в письме к ней, которое я доvez. Вы уж не привозите мне Подолинского⁴, обойдусь, возьму в библиотеке, — только привезите эту посылку и что-нибудь еще. Забыл я, по-видимому: 1) визитку⁵, недавний предмет восхищения и гордости; 3) <sic> в ее кармане два галстука; 4) рубашку чесучевую желтую; 5) рубашку полотняную; 6) полотенце мохнатое; 7) мыло желтое; 8) альмавиву или епанчу⁶ или плащ с капюшоном темно-серый; 9) указанную посылку. Я прихожу в величайшее смущение от такого списка. Но не меньшее смущение овладевает мною по следующему поводу: забывши все это, я увез с собой носовой платок, данный мне Надеждой Григорьевной. Постараюсь доставить его при первой возможности, но, к сожалению, не знаю, когда и как. А о своих вещах, говоря: привезите, я разумею и то, что, может быть представится и случай прислать что-нибудь (без доставки ко мне: я, по письму или по открытке, явился бы, конечно, за получением). — Вот что я натворил. Воображаю Вашу досаду и справедливое негодование. Но я отчасти наказан — и неловкостью перед Ольгой Николаевной, и отсутствием великолепной визитки. И здесь я нашел еще письма и новости весьма огорчительные. Первое — окончательно утратил я остававшиеся в Тифлисе мои книги, свыше 800⁷. Затем — придется, вероятно, ехать до Рождества в проклятую Пермь: иначе грозит

чуть не многомиллионный начёт⁸. Наконец — здешние дела мои довольно плохи. Подробнее — не стоит. Бегать по Петербургу начал вчера же. Сегодня был у Ходасевича, отдал Ваше письмо. Он лежал со страшной головной болью. Анна Ивановна здорова. Малый благополучен⁹. Был сегодня же у Сологуба. Его Черносвитовы хорошо устроили в прекрасных двух комнатах¹⁰. От него самого впечатление прежнее — м. б., немножко лучше. — Ну, пока всего Вам хорошего. Великая благодарность и привет Вам и Надежде Григорьевне — и великое уважение. Кланяюсь Ивану Алексеевичу Новикову¹¹.

Ваш Ю. Верховский.

¹ РГБ. Ф. 371. Карт. 2. Ед. хр. 70. Л. 3—4 об.

² Основной петербургский адрес Верховского в 1920-е гг. — квартира, в которой жила его сестра Ольга Никандровна Верховская (1880—1942), бывшая замужем за композитором и музыкальным критиком, профессором консерватории Вячеславом Гавриловичем Каратыгиным (1875—1925).

³ Камерная певица Ольга Николаевна Бутомо-Названова (1888—1960). Брат ее нам неизвестен: среди москвичей по фамилии Бутомо, зафиксированных в адресных книгах, Николаевичей нет.

⁴ Не очень понятно, какое издание А.И. Подолинского имеется в виду. В 1915 г. Верховский уже брал его сочинения у М.О. Гершензона. Прося прощения за задержку с возвратом книги, он писал: «Очень виноват перед Вами, дорогой и сердечно уважаемый Михаил Осипович: не прислал Вам Подолинского. Он все был мне нужен — для двух целей, которых однако обеих я так и не достиг» (Письмо от 16 августа 1915 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 30. Ед. хр. 15. Л. 11).

⁵ Род мужской одежды наподобие длиннополого сюртука.

⁶ Альмавива — широкий плащ без рукавов. Епанча — то же, но с капюшоном.

⁷ Верховский преподавал на Тифлиских высших женских курсах с осени 1911 г. до лета 1915 г. Уезжал он оттуда в некоторой спешке и в расстроенных чувствах: незадолго до отъезда он писал Вяч. Иванову: «Долго не извещал я тебя, дорогой Вячеслав, о делах своих, а сегодня воззвал к тебе воплем по телеграфу. Дело в том, что мне теперь не только по-прежнему важно устроиться в Москве, но и не по-прежнему невозможно оставаться здесь, т. к. невозможные нынешние материальные условия предложены хозяйственным комитетом курсов и на будущий год. Если я их приму, то год будет не только тяжелее нынешнего, но и совершенно невыносим. <...> Касательно Тифлиских дел моих и всего здешнего житья мне до сих пор — до последнего события, с коего начал письмо — нечего было сообщить тебе. Тянулась все та же серая нитка, все туже натягиваясь. Дело идет кое-как и еле-еле. Как вообще, так и в частности на курсах. Здесь все дела ползут вяло. Что до лекций моих, то сколько-нибудь слушали мой курс римской литературы, которого мне и читать-то не следовало: ты можешь себе представить, что у меня выходит. Но теперь и это слушают еле-еле, как и все. Что-нибудь мог бы я дать (по крайней мере, хотел бы) в курсе по французской литературе, а слушают его — две девицы, да к тому же дуры несносные и невежественные. Единственное утешение — семинарий или кружок по Боратынскому — неофициально, 3—4 слушательницы. Я тебе о нем говорил. Но утешение слабое, тем более, что выходит не то, что хочу. Вот и все. А помимо курсов — хоть шаром покати. Никого. И почти — ничего. Скука и хандра. Хандра такая, какая и на меня редко находит. И злоба. Злоба беспредметная и злоба на людей, которых видишь каждый день и которым до тебя дела нет. На тупость и самодовольство их. А сам тоже тупеешь» (Письмо от 12 апреля 1915 г. // РГБ.

Ф. 109. Карт. 14. Ед. хр. 51. Л. 32, 34–34 об.). Вероятно, существенная часть его рабочей библиотеки оставалась в Тифлисе.

⁸ Верховский был избран исполняющим должность экстраординарного профессора кафедры истории русской словесности Пермского университета весной 1918 г. и проработал там до 1921 г. В августе 1921 г. он был командирован в Москву и Петроград, после чего неоднократно просил о продлении срока командировки (с чем университет безропотно соглашался). Последний раз срок был продлен в декабре 1922 г., но в Пермь Верховский так и не вернулся (см.: [23]).

⁹ Анна Ивановна Ходасевич (урожд. Чулкова; 1887–1964), жена В.Ф. Ходасевича и сестра адресата письма. Верховского связывала с ней долгая дружба, отчасти запечатленная в посвященных ей стихах (шесть из них опубликованы нами здесь: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/268230.html>). В мемуарах она упоминает его довольно кратко: «В 1920 году я переехала со своей семьей в Петроград, где вскоре на каком-то литературном вечере в “Доме литераторов” встретилась с А.А. Блоком. Конечно, он меня не узнал. Тут присутствовал мой большой друг поэт Юрий Никандрович Верховский (о нем я позже расскажу подробнее). Он подвел меня к Алекс.Алекс. и напомнил про наше давнишнее знакомство. “Бог мой”, — воскликнул А.А. — “да это не женщина, а живая хронология”» (копия в нашем собрании). *Малый* — Эдгар Евгеньевич Гренцион (1906–1957) — сын А.И. Ходасевич от первого брака.

¹⁰ Ольга Николаевна Черносвитова (урожд. Чеботаревская; 1872–1943) — сестра А.Н. Чеботаревской, жены Ф. Сологуба. После самоубийства Чеботаревской она и ее муж Николай Николаевич Черносвитов (1870–1937) переселили Сологуба в дом на Петроградской стороне (угол набережной Ждановки и Малого проспекта, д. 3/1), в квартиру Александры Николаевны Чеботаревской (кв. 22); сами они занимали в этом же доме кв. 26 (см.: [21, с. 221–260]).

¹¹ Писатель Иван Алексеевич Новиков (1877–1959) и его семья принадлежали к ближайшему дружескому кругу Верховского.

4. Ю.Н. Верховский — Г.И. Чулкову 16 сентября 1922. Петроград¹

Петербург.

Суббота. 16.IX. н<ового> с<тиля> 22.

Дорогой Георгий Иванович, пишу второпях несколько слов. Едет в Москву Александр Иванович Белецкий, харьковский профессор, словесник, — он же Анфим Ижев, поэт, драматург, романист, — большой мой приятель². Хочу быть предлогом вашего знакомства. Уезжает он спешно, сейчас увидел его на бегу, но надеюсь успеть завтра на вокзал — и тогда передам ему для отвоза к Вам переписанные письма Тютчева, числом 9³. Из имеющихся налицо сейчас в Пушкинском доме остаются еще 2, которые переписываются. О том что это дело идет — послал я Вам изустное известие... не помню с кем. По поводу писем и стихов Баратынского в Муранове — я конечно и бесконечно рад, что они могут быть мною использованы, столь же тронут и предложением Вашим об устройстве списывания их для меня, — и все еще продолжаю мечтать о том, что попаду

в Москву и в Мураново, — а потому надеюсь, что сам доберусь до этих материалов, столь для меня драгоценных⁴.

Надежду Григорьевну благодарю душевно за участливое ко мне дружелюбие и слезно прошу простить мне вины мои непростительные — мне кажется, их много, а их всего одна, но такая, что стоит многих — именно безответность мою на милое письмо ее ко мне, столь долгую. Буду писать — тем более, что едва ли не безнадежна мечта о Москве. Привет мой после Надежды Григорьевны и всем меня помнящим, если достигаемы, то Николаю Александровичу и Ивану Алексеевичу⁵. Поклон Цявловскому (для него медленно, но делается, хоть с опозданием)⁶.

Поклонение — Евдокии Ивановне, приветствия Названовым⁷. Хотелось бы познакомиться с ними Белецкого. Сообщите ему адрес. Кстати, Ал.Ив. — учитель Благого и сам занимался Тютчевым⁸. У него монография о русских писательницах (хорошо бы прочесть что-ниб<уд> из нее в О<бществе> Л<юбителей> Р<оссийской> Сл<овесности> или в союзе Писателей⁹. А у Ижева прекрасные стихи, интереснейший роман и пр.¹⁰ Он — большой друг покойного Н. В. Недоброво¹¹.

Больше негде писать. Словом, познакомьтесь. До свидания.

Ваш Ю. Верховский.

¹ РГБ. Ф. 371. Карг. 2. Ед. хр. 70. Л. 5–6 об.

² Поэтические опыты филолога Александра Ивановича Белецкого (1884–1961) остаются практически неизвестными. В его архиве хранится тетрадь стихов, подписанная его обычным псевдонимом «Анфим Инжев» (см.: [8, с. 269]). Среди немногих публикаций — стихотворения и «стихопрозы» в харьковском журнале Творчество» (1919. № 2 и 5/6) и стихи в альманахах «Тропа» (Харьков, 1921); «единственный известный экземпляр описан: [4, с. 445]. См. также: Дерман А. Страницы лирики. Избранные стихотворения современных русских поэтов. Симферополь: Рус. кн-во в Крыму, 1920. С. 33).

³ Чулков был крупным специалистом по биографии и творчеству Тютчева и, в частности, подготовил несколько его изданий (см. по указателю: Ф.И. Тютчев. Библиографический указатель произведений и литературы о жизни и деятельности. 1818–1973 / сост. И.А. Королева, А.А. Николаев. М.: Книга, 1978. 263 с.); вероятно, с одним из них и была связана просьба Чулкова о копировании писем.

⁴ Это намерение было исполнено, см.: [13, с. 117–121].

⁵ Николай Александрович — вероятно, Бердяев, Иван Алексеевич — Новиков (см. примеч. 11 к письму 3).

⁶ Письма Верховского к Цявловскому сохранилась лишь частично, поэтому выяснить, что для него делал Верховский в Пушкинском доме, не представляется возможным.

⁷ Евдокия Ивановна Лосева (урожд. Чижова; 1881–1936) — художница, соорганизатор «музея игрушки», богатая московская дама, меценатка, чьими благодеяниями некогда пользовались и Чулковы, ср. в воспоминаниях Н.Г.: «<...> мы устроились в собственной квартире, которую любезно предоставила

нам наша знакомая домовладелица — вдова фабриканта и городского деятеля — Евдокия Ивановна Лосева. Эта дама — художница и меценатка — была богата и щедро помогала художникам в их нуждах. У нее был салон, где появлялись знаменитости Москвы и Петербурга. Тут бывали философы — Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Г.А. Рачинский, поэты Андрей Белый, Вяч. Иванов, Бальмонт, Балтрушайтис, писатели — Максим Горький, Бор. Зайцев и другие. Музыканты и живописцы и даже военные генералы. Ее портрет работы В.А. Серова находится в Третьяковской галерее. Е.Ив. Лосева сдала нам маленький флигель на ее усадьбе при ее особняке на Смоленском бульваре д. 8. Здесь мы с Г.Ив-чем, прожили 22 года, а я живу и доселе в 1949 году, спустя десять лет после смерти Г.И-ча» (*Чулкова Н.Г.* Воспоминания о моей жизни с Г.И. Чулковым и о встречах с замечательными людьми // РГБ. Ф. 371. Карт. 6. Ед. хр. 1. Л. 77). О Бутомо-Названовой см. примеч. 3 к письму 3. Ее муж — инженер Михаил Кондратьевич Названов (1872–1934).

⁸ Димитрий Димитриевич Благой (1893–1984) — советский литературовед, действительно бывший учеником Белицкого. Позже Благой вспоминал о нем: «После первого же моего семинарского доклада, посвященного Баратынскому, Александр Иванович пригласил меня запросто бывать у него на дому. Долгие вечера, проведенные мною в его уютной мансардной квартирке на одной из тихих харьковских улиц, за рассмотрением редчайших книг из его библиотеки, в беседах на самые различные филологические и просто литературные темы давали мне гораздо больше, чем многие слушавшиеся в университете курсы» (*Благой Д.Д.* Мой путь в науку о литературе // Советские писатели. Автобиографии. М.: Гослитиздат, 1972. Т. 4. С. 96–97). См. также: *Айзенштот И.Я.* Из ранних лет научно-литературной деятельности А.И. Белецкого // Искусство слова. Сборник статей к 80-летию члена-корреспондента АН СССР Димитрия Димитриевича Благого. М.: Наука, 1973. С. 395–402.

⁹ Имеется в виду магистерская диссертация Белецкого «Эпизод из истории русского романтизма. Русские писательницы 1830–1860-х гг.», защищенная в Харькове в 1918 г. и оставшаяся неопубликованной. Текст ее существовал в пяти машинописных экземплярах; один из них находится в отделе рукописных фондов и текстологии Института им. Т.Г. Шевченко НАН Украины, другой — в отделе рукописей Пушкинского дома (см.: [9, с. 139–151]).

¹⁰ Художественная проза Белецкого нам неизвестна. В архиве его сохранилось изрядное количество готовых текстов и черновиков («Амкар», «Малые приманки», «Двойное бытие», «Новая Атлантида или из когтей смерти в объятия обольстительницы» и т. д.), но о каком из этих текстов пишет Верховский, мы не знаем.

¹¹ Замечательное подтверждение этих слов — рекомендация в письме Недоброво к Блоку от 1 января 1908 г.: «Я уже писал Вам на днях — в рассеянности по прошлогоднему адресу — о моем друге и примечательном поэте Александре Ивановиче Белецком. Обычно он живет в Харькове, где состоит при Университете, а теперь приехал в Петербург, желая, чтобы с его творчеством случилось по Писанию: “и слово плоть бысть”. Он будет у Вас завтра (2-го) с письмом от г-жи Менделеевой.

Мне бы хотелось, чтобы психологическим основанием Вашей встречи с ним был интерес к нему, а не досадливость. Поэтому я и предупреждаю Вас, что он заслуживает внимания.

Он чудный наблюдатель и тонкий обличитель жизни, с весьма ловкими приемами. Вы непременно заставьте его прочесть Вам рассказ “Богоборец” и обрывки поэмы “Чистилище”, которую он теперь сочиняет.

Я бы очень хотел, чтобы Ваша оценка его совпала с моею» (Письма Н.В. Недоброво к Блоку / предисл., публ. и коммент. М.М. Кралина // Литературное наследство. М.: Наука, 1981. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 3. С. 294). См. также подробнейший свод данных в работе: К истории русской литературы 1910-х годов. Письма Н.В. Недоброво к Б.В. Анрепу / публ. Г.П. Струве // *Slavica Hierosolymitana*. V. V–VI / ed. by L. Fleishman, O. Ronen and D. Segal. Jerusalem: Magnes Press, Hebrew University, 1981. P. 433. Ср. комментарий к стихотворению Недоброво, посвященному Белецкому: [14, с. 280–281].

5. Ю.Н. Верховский — Г.И. Чулкову
<Декабрь 1922 – январь 1923. Петроград>¹

Дорогой Георгий Иванович

Я очень хочу познакомить Вас с Борисом Леонидовичем Богавским, коллегой моим по Перми и Томску². О его необыкновенных и необыкновенно интересных литературных произведениях я Вам рассказывал в Москве. Сейчас у него готовый роман фантастический — Месть Исиенки, совершенно новый по самой концепции романа³. Муратов⁴ предлагал Б.Л. выступить в Союзе Писателей, а мое большое желание — устроить независимо от этого чтение романа в тесном кругу «взыскательных судей» и профессионалов этого дела (жаль, нет теперь у Вас Зайцева⁵) — ради разговора (роман же и не длинен — на 2 часа). Разговор будет интереснейший. Здесь к роману с живейшим сочувствием отнесся Сологуб⁶. Моя самая общая мысль (после нескольких чтений) такова: Ключевский сказал, что мы теперь мыслим отвлеченными понятиями, а предки наши мыслили группами ассоциированных представлений⁷; это чисто художественное мышление, и оно обновляется в том устремлении беллетристики, в плане которого и выступает существенно-крупное значение Мести Исиенки. Жаль, что не могу вместе с Вами слушать и толковать. Дайте, пожалуйста, Б.Л. адрес Новикова Ивана Алексеича⁸ (я затерял) — хочется, чтобы они познакомились. Не поспекуйте также на указание практических путей: издательств, редакторов и пр. Здесь дело было совсем слажено Сологубом, но — издатели претерпевают острый кризис. У вас, видимо, эти дела много крепче. Здесь у нас только прелестная вышла книжка покойной Настасьи Николаевны⁹. И Белкин — на высоте¹⁰. — Порадовался я (хотя и вчуже!) отличному изданию Вашей Марии Гамильтон¹¹. Тютчевяну (тоже отличную) получил и о том Вам отписывал благодарственно спасибо¹². А вообще говоря, не даром говорил я, что начинаю чувствовать свои седины: забывают меня. Даже Лирический Круг с моими стихами собственными только недавно в руках подержал — и отдал¹³. Могли бы уж бессовестники лирические круглые хоть экземпляр прислать, не говорю уж о гонораре¹⁴ (хоть куда не худо бы! М. б. Вы им поговорите <sic>: в отношении денежном я и окружен, и наполнен перманентной пустотой)*.

Я с своей стороны послал экземпляры Солнца в заточении¹⁵ — получили ли? — Вам, Названовым, Гречанинову, Михаилу Осиповичу, Ивану Алексеевичу¹⁶. Ни ответа, ни привета. Посылал я с оказией — направлял к Вам очень интересного и чудесного человека Алексан-

дра Ивановича Белецкого¹⁷, большого моего приятеля, харьковского профессора. Неужели он у Вас не был? А впрочем сейчас не до солнца в заточении. На самый конец, как-то так вышло, осталось самое главное. Горячее Вам спасибо, дорогой, за стихи Боратынского. Это для меня прямо солнце, вышедшее из заточения, — так и выплыло — круглое, ясное. Знаете что? Это — цельное, только не до конца отделанное стихотворение, по-моему своего рода эпилог к изданию 35-го года. Вероятно написано для кого-нибудь на книгу или и на книге <sic!>. Поговорите Вы Тютчеву, не могу ли напечатать (можно и гонорар исполу)¹⁸. Цявловскому благодарность велию от меня скажите. Я перед ним виноват, и пуше перед Надеждой Григорьевной¹⁹, о чем пишу ей особо. Еще хочу Вам сказать, что Анну Ивановну выдаю довольно часто. Она, хоть и измучилась, но ничего, крепится и, по-моему, пожалуй, даже крепнет понемногу, хоть сама и думает противное²⁰. Как Любовь Ивановна²¹? Что сын?²² Ей, пожалуйста, передайте мой поклон и привет. А Надежде Григорьевне — особенный.

Тяжел я на письма, а едва собрался кончить. Жму Вам руку дружески.

Ваш Ю. Верховский.

*Издали бы Вы меня в Москве! — Хоть одну из многочисленных книг стихов моих. Хотел я на всякий случай послать Вам стихов в целях журнальных и альманашных, да не переписал.

¹ РГБ. Ф. 371. Карт. 2. Ед. хр. 70. Л. 10–11 об.

В письме датировка отсутствует. Имеется помета получателя: «после 16.X.1922 м. б. до 22.3/4.1923». Этот интервал можно еще сузить благодаря упоминаемым книгам. Сборник А.Н. Чеботаревской «Женщина накануне революции 1789 г.» вышел в ноябре 1922 г. (см.: [12, с. 601–602]), поэма Чулкова «Мария Гамильтон» — в октябре–декабре того же года. Поскольку обе они упоминаются в качестве новинки, можно предположительно датировать письмо декабрем 1922 г. – январем 1923 г.

² Борис Леонидович Богаевский (1882–1942) — археолог, историк античности, магистр греческой философии. Выпускник 10-й петербургской гимназии, окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, оставлен для подготовки к профессорскому званию. Преподавал в Психоневрологическом институте и гимназии Стоюниной. В 1916 г. был откомандирован в Пермь, где исполнял должность экстраординарного профессора кафедры классической филологии, позже был деканом историко-филологического факультета. Позже переехал в Томск, где был приват-доцентом кафедры классической филологии, профессором кафедры истории античного мира и ректором Томского университета. После закрытия факультета общественных наук в 1922 г. переехал в Петроград. См. о нем: [5, с. 506; 16, с. 4–28; 10, с. 59–91].

³ Прозаические опыты Богаевского в печати (по крайней мере, под собственным именем) не появлялись. Столь интригующе аттестованный Верховским роман «Месье Исиенки» мы отыскали в личном фонде Богаевского, сохраняющемся в небанальном архивохранилище — отделе рукописей Государственного Института Материальной культуры Академии наук (СПб.). Среди его бумаг хранится немало количество художественных произведений: «Двойной человек», «Вот клюквенный морс», «Жестяная лошадь (около лужи)», «Замененные декорации», «Негритянка

с голубыми глазами», «Сумеречно стало» и др. Упомянутый роман (АРХИВ ГИМК. Ф. 49. Ед. хр. 607) заключен в рукописную обложку с пометой «Томск. 27/II–20». Он открывается посвящением: «Ракар, мужественной девушке, переплывшей Мататану среди кровожадных кайманов, посвящает свою работу автор, благодарный за многочисленные указания, которыми он, как родившийся в Европе, не мог воспользоваться в полной мере». Действие романа происходит на Мадагаскаре (описанном в фантастическом ключе), населенном необычными людьми и животными. Несмотря на живой стиль повествования («Золотая рама портрета засияла желтыми и розовыми лучами, зеленоватый жгут, на котором она висела, засверкал, как неожиданно-яркий хризопрас, огнем запыхлала красная розетка тяжелого гвоздя, подерживавшего портрет») и занятный сюжет, разделить восторг первых читателей сегодня непросто.

⁴ Филолог и искусствовед Павел Павлович Муратов (1881–1950).

⁵ Б.К. Зайцев вместе с семьей уехал из России в июне 1922 г.

⁶ Никаких других сведений о знакомстве Сологуба с текстом романа у нас нет.

⁷ Ср.: «Опасение осложнялось свойством тогдашнего мышления. Тогда по непривычке к анализу, к отчетливому разделению предметов любили размышлять не отдельными идеями, а целыми группами ассоциированных идей, как бы сказать, семействами так или иначе породившихся представлений» (*Ключевский В.О.* Очерки и речи: второй сборник статей. Пг.: Тип. П.П. Рябушинского, 1918. С. 405).

⁸ См. примеч. 11 к письму 3.

⁹ Книга Анастасии Николаевны Чеботаревской «Женщина накануне революции 1789 г.» (Пг.: Былое, 1922. 151 с.).

¹⁰ Вениамин Павлович Белкин (1884–1951) — автор обложки, фронтисписа, заставок, концовок и книжных украшений к упомянутой выше книге Чеботаревской.

¹¹ Поэма Г.И. Чулкова, вышедшая отдельным изданием в петроградском «Аквилоне» с иллюстрациями того же Белкина.

¹² Имеется в виду книга: Тютчевiana. Эпиграммы, афоризмы и остроты Ф.И. Тютчева / предисл. Георгия Чулкова. М.: Костры, 1922. 52 с.

¹³ В альманахе «Лирический круг. Страницы поэзии и критики. Вып. 1» (М.: Северные дни, 1922) напечатаны стихотворения Верховского «С холодной струйкой легкого золота...» и «Над светлой косой, над серпом и над плугом...».

¹⁴ «Лирический круг» — довольно аморфная московская неоклассическая группа, куда входили А. Эфрос, В. Лидин, В. Ходасевич, С. Шервинский, Л. Гроссман, Н. Бромлей, С. Парнок, К. Липскеров, С. Соловьев, А. Глоба и др.; обсуждалось вступление Ахматовой и Мандельштама.

¹⁵ «Солнце в заточении» — сборник стихов Верховского (М.: Мысль, 1922. 95 с.).

¹⁶ О Названовых см. примеч. 7 к письму 4. Далее упоминаются композитор Александр Тихонович Гречанинов (1864–1956), М.О. Гершензон и И.А. Новиков.

¹⁷ См. примеч. 2 к письму 4.

¹⁸ О каком стихотворении идет речь доподлинно неизвестно, хотя определенные предположения строить можно: стихотворений Баратынского, напечатанных после его смерти, известно всего чуть более тридцати. Исходя из характеристик, данных Верховским, больше всего среди них подходит «Вот верный список впечатлений...», впервые напечатанное в 1936 г.; оно действительно должно было открывать сборник 1835 г. (Стихотворения Евгения Баратынского. Ч. 1–2. М.: Тип. А. Семена при Имп. Мед.-хирург. акад., 1835). Тютчев — почти наверняка Николай Иванович (1876–1949), первый директор музея Тютчева в усадьбе Мураново (ранее ему же и принадлежавшей). Вероятно (если наша догадка верна), Тютчев одобрил идею публикации: в письме от 17 июля 1932 г. к В.Д. Бонч-Бруевичу Верховский, перечисляя статьи, подготавливаемые им для «Звеньев», упоминает и «Неопубликованное стихотворение Баратынского (Вот верный список впечатлений)» (РГБ. Ф. 369.

Карт. 250. Ед. хр. 18. Л. 4). В результате статья Верховского не вышла, а стихотворение было опубликовано в книге: *Баратынский Е.* Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1936. Т. 1 / ред., коммент. и биогр. ст. Е. Куприяновой, И. Медведевой; вст. ст. Д. Мирского. С. 316 с комментарием: «При жизни поэта в печати не появлялось. Впервые опубликовано Ю.Н. Верховским в редактированном им Собр<ании> соч<инений> Баратынского, изд. "Academia"» (Там же. Л.: Сов. писатель, 1936. Т. 2. С. 295). Вероятно, составители (прежде всего И. Медведева-Томашевская, с которой Верховский состоял в переписке) либо располагали корректурой так и не вышедшего тома издания *Academia*, либо были уверены в его благоприятной судьбе. Между тем, уже к осени 1935 г. над изданием стусились тучи: «Но не так давно плохо повернулось главное дело — с Боратынским. Настроение мое, разумеется, сильно упало. Суть, по-видимому, в том, что решение издательства перейти к упрощенным изданиям поэтов вошло в силу и распространилось на тома, уже находящиеся в работе. Мне не прислали корректуры в гранках, а на мой запрос из Ленинграда ответили, что велено верстать один текст и верстка будет готова через месяц» (Письмо Верховского к И.А. Новикову от 10 октября 1935 г. // РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 4. Ед. хр. 567. Л. 11).

¹⁹ Н.Г. Чулкова.

²⁰ А.И. Ходасевич. Верховский подразумевает ее медленное восстановление после продолжительной депрессии, вызванной изменой и отъездом Ходасевича в эмиграцию.

²¹ Любовь Ивановна Рыбакова (урожд. Чулкова; 1882–1973) — сестра Чулкова, художница и поэтесса.

²² Вероятно, имеется в виду сын Рыбаковой Вячеслав Федорович Рыбаков (1907–1931), будущий художник. Вряд ли Верховский не знал, что сын Чулковых, Володя, умер в сентябре 1921 г. от менингита.

6. Ю.Н. Верховский — Г.И. Чулкову
3 апреля — 10 мая 1923. Петроград¹

22.III/3.IV.923

Петербург.

Письмо мое, дорогой Георгий Иванович, на этот раз — спешное и деловое. Спешность, верно, сделает его длинным: эпистолярный слог мне трудно дается. А дело таково. Издательство *Academia* начинает издавать художественную литературу, т. е. беллетристическую прозу и стихи. Пока — небольшими книжками в 3–4–5 листов. Я отчасти связался с этим делом. Издатель, формально — председатель некоей коллегии, состав которой смутен и мне пока даже неизвестен, просил меня снестись с Вами и предложить Вам сотрудничество, ему лично дорогое. Не по<д>берете ли Вы книгу рассказов немедленно? Она могла бы пойти в первую очередь. Чтобы начать серию, издательству нужно книг пять. Состав серии предполагается разнообразный. На 4–5 книг прозы — одна книга стихов. Не исключаются и книжки сборные, нескольких авторов, маленькие альманахи. Была речь и о большом, литературном и историко-литературном (статьи и материалы); это пока откладывается, но не отменяется. Оконча-

тельно принятых книг пока две, или три: Тихие Песни Иннокентия Анненского, 2-е издание (в виде исключения; вообще предполагаются только новые книги); Месть Исиенки Б. Огаевского (кажется, будет так); наконец — моя книга стихов². Рассказы для книги желательны не напечатанные ранее. Можно, конечно, и часть только дать новых. Можно и всю книгу заполнить одной крупной вещью. Издано будет хорошо, надеюсь даже — изящно. Материальные условия здесь, конечно, не такие как у Вас в Москве. Но расчет ведется по курсу золота. Исходная цифра гонорара 10 % с номинальной стоимости книги. Если условиться так, т. е. на проценты, то можно получать по частям вперед: при заключении условия, при сдаче рукописи, при первой корректуре или подписи к печати, — а потом, после выхода книги, сделать расчет по курсу. Мне очень, очень бы хотелось, чтобы Вы поддержали эту «библиотеку современной русской литературы», вероятно, как-нибудь в этом роде она будет названа. Этого же хочет и издатель — Александр Александрович Кроленко³. Адрес издательства Academia — Литейный, 40. Есть отделение в Москве. Вы там возьмите каталог издательства, чтобы с ним ознакомиться. Кстати, оно, по крайней мере здесь, не скупое на то, чтобы давать свои издания сотрудникам. Иногда бывают неожиданности: первый из вышедших томов Платона чуть ли не в несколько дней разошелся до конца. На днях вышел новый. А издательство шло на то, что Платон совсем в другом смысле выйдет в прок⁴.

27.IV / 10.V

Эта вторая дата, милый Георгий Иванович, иллюстрация моей спешности. Но дело в том, что спешность дела отменена была, пока я не дописал еще (дома) этого письма: у Кроленки начался роман с Институтом Истории Искусств, Academia берет на свое иждивение его труды и отвлеклась этим предприятием⁵. Теперь это успокоилось, и только обычная спешка сбивает меня с толку. Повторяю Вам изложенные выше предложения и просьбы, убеждаю отозваться скоро и положительно, а сам бегу к доброй моей знакомой — Евлалии Павловне Казанович⁶. Она сегодня едет в Москву и обещает вручить Вам эти строки. Очень буду рад Вашему знакомству. У нее к Вам и небольшое дело, альбомное, с тем же хотелось бы, чтобы увидела она Ивана Алексеевича Новикова⁷. Ему собирался также писать (уже давно), да теперь не успеть. Укорите его в молчании: он не отозвался на Солнце в Заточении⁸. А у меня к нему то же хоть и немножко проблематическое в смысле срока (я не видел Кроленко давно) — издательское предложение. Прислал бы он и стихов — хотя бы мне

лично. Вообще, поговорите с ним. Прошу Вас, покажите это письмо и передайте мою постоянную любовь дружескую. А Евлалию Павловну Вы верно не откажетесь познакомить вообще с литературными москвичами. В деле историко-литературном она — нашего толку и Вы хорошо побеседуете.

Анна Ивановна в последние наши встречи была что-то в большом унынии⁹. Все же, надеюсь, обойдется или уже обошлось, и все образуется. Она, верно, пишет Вам. Поклон мой низкий Надежде Григорьевне.

Ваш Ю. Верховский.

¹ РГБ. Ф. 371. Карт. 2. Ед. хр. 70. Л. 7–8 об.

² Практически все эти планы остались неосуществленными: серия художественной литературы издательства Academia захлахла, не успев развиться. Из перечисленных книг вышло только второе издание «Тихих песен» Пб., 1923; всего в серии современной поэзии вышло десять авторских сборников и один альманах. Осталась неизданной и собственная книга стихов Верховского. О «Мести Исиенки» см. примеч. 3 к письму 5.

³ Александр Александрович Кроленко (1889–1970) — книговед, директор издательства Academia.

⁴ Из запланированных пятнадцати томов «Полного собрания творений» Платона вышло шесть: сперва (с 1922 г. на титульном листе) вышел пятый, следом первый, тринадцатый и четырнадцатый (все — 1923 г.). Об этом же издании Верховский писал Вяч. Иванову 8 сентября 1923 г.: «Не стал ли бы ты перевести Платона? “Academia” очень этого хочет. Главное, однако, было разобрано давно. Вышедшее переведено из рук вон плохо: Жебелёв. Ниже критики. Много, верно, можно и взять, и пере... взять в твои руки» (Римский архив Иванова). См. об этом издании: [17, с. 299–301].

⁵ В конце марта 1923 г. Academia, прежде плотно аффилированная с Петроградским философским обществом, вынуждена была после разгрома последнего вступить в договорные отношения с Институтом истории искусств и с апреля даже именовалась «Издательство Academia Института истории искусств». Устав, фиксирующий новое положение дел, был утвержден в марте (см.: [17, с. 302]).

⁶ Евлалия Павловна Казанович (1885–1942) — филолог, литературный критик.

⁷ Подробности этой поездки Казанович известны благодаря ее дневнику (выписки из него предоставлены А. Востриковым, которому приношу глубокую благодарность). Должна она была выехать из Петрограда в Москву 10 мая (накануне она записывала в дневнике: «Завтра еду в Москву. Ох, ох, пронеси!...»), но из-за неизвестных нам трудностей поездка отложилась на несколько дней, ср. запись 11 мая: «В поезд не попала». Впрочем, 14-го она уже была в Москве. В этот день она передала Чулкову это письмо (ср. запись под этим числом: «Вечером была у Чулкова и попала на журфикс. Приняли меня очень радушно и он и жена его и оставили на вечер. После 10–15 минутного разговора о деле (Тютчевские письма) в его небольшой спаленке перешли в приемную (столовая, гостиная и библиотека вместе), где была нестерпимая духота от массы народа. Публика — смешанная, и нарядные девицы, и простоватые мужчины — молодежь, и старик <Г.А.> Рачинский; конечно, он должен был быть тут; его нельзя себе представить вне спорящей и волнующейся молодежи»). *Альбомное дело* — Казанович собирала писательские автографы, для чего возила с собой альбом (ныне: ИРЛИ. Р. I. Оп. 12. Ед. хр. 282). Судя по дневнику, с И.А. Новиковым она в этот приезд не виделась.

⁸ См. примеч. 15 к письму 5.

⁹ А.И. Ходасевич.

7. Ю.Н. Верховский — Г.И. Чулкову
Между 1917 и 1924. Москва¹

Милый друг Георгий

Скалдин в Москве до завтра и сейчас будет читать новую свою вещь у Гершензона². Я обещал известить тебя, не успел зайти. Надеюсь придешь.

Твой Ю. Верховский.

Среда.

¹ РГБ. Ф. 371. Карт. 2. Ед. хр. 70. Л. 9.

Датировка этой записки представляет собой известную трудность: конечно, она не могла быть написана ранее 1912 г. (год знакомства Скалдина и Гершензона) и позже 1925 (год смерти Гершензона). Но далеко не все московские визиты Скалдина этого времени документированы. Так, мы точно знаем про поездку середины октября 1913 г. (ср. в письме М.М. Замятниной к Скалдину от 14 октября 1913 г.: «Добро пожаловать. Ждем. Приезжайте, как только Вам будет возможно. Все шло привет. До скорого значит, надо понимать свидания» (РГАЛИ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 3); ср. в письме самого Скалдина к А.Г. Архангельскому от 21 октября 1913 г.: «Получил твое письмо, когда выходил из дому, чтобы ехать в Москву» (ИМЛИ. Ф. 9. Оп. 3. Ед. хр. 86. Л. 8 об.); письмо написано уже из Москвы). Вряд ли описанное чтение могло состояться в этот приезд, поскольку Верховский в это время был в Тифлисе. При этом формулировка «новая вещь», кажется, подразумевает прозаический текст и, следовательно, может относиться к «Странствиям и приключениям Никодима Старшего» или к более позднему произведению. Самое раннее упоминание будущего романа приходится на начало 1915 г.: «В противоположность тебе стихов я не пишу (почти); писал большую повесть, да надоела. Пока забросил» (Письмо Скалдина к А.Г. Архангельскому от 13 февраля 1915 г. // ИМЛИ. Ф. 9. Оп. 3. Ед. хр. 87. Л. 13). В конце 1910-х гг. нам известен — и то на основании весьма косвенных данных — лишь один приезд Скалдина в Москву: 7/20 июня 1917 (?) г. Ю.М. Корш, сестра М.М. Замятниной, писала ей: «Я все ждала, что Скалдин привезет Сережины <С.К. Шварсалона> деньги, кот<орые> ты просила его передать нам. До сих пор он все еще не привез, а деньги нужны, может б<ыть> позвонить ему по тел<ефону>» (РГБ. Ф. 109. Карт. 27. Ед. хр. 71. Л. 23 об.). Следующий документированный визит относится лишь к осени 1924 г.: Верховский писал ему 11 декабря: «Хорошо, что по-выдались в Москве. Я только упрекаю себя, что не проснулся утром, когда Вы уходили. А Вы не разбудили меня» (РГАЛИ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 2). Сам Скалдин писал Вяч. Иванову 1 декабря 1924 г.: «Был на днях в Москве, читал Гершензонам и Верховскому свою новую прозу: «Рассказ о Господине Просто», «Зоологический Лев», читал стихи. Хвалить за доброту хвалили, но больше ругали за бездушие. Никак не мог взять в толк, в чем тут дело. Верховский, впрочем, больше молчал или говорил о себе: «Я, мол, такой, не могу этого понять»» (см.: [18, с. 129]). Вероятнее всего, к этому визиту и относится письмо.

² Алексей Дмитриевич Скалдин (1889–1943) встречался с Гершензоном на «башне» Вяч. Иванова в 1912 г., ср. в его письме к жене: «К 10-ти пришли Верховский, Скалдин и еще какой-то Троцкий» [6, с. 374]. В конце того же года Скалдин включил его в список рассылки своей книги стихов. Получив ее, Гершензон писал общей знакомой Ал.Н. Чеботаревской: «Я получил от Скалдина книжку его стихов; к моей досаде забыл его имя-отчество, и оттого прошу Вас передать ему мою благодарность. Я прочитал стихи. Я не ждал от него такого высокого совершенства формы: это густо как ликер, тут порою в целом стихотворении нет лишнего слова; и ритмика, и рифмы парнасские. Особенно зная от Вас прошлое С., как недавно он вошел в круг образованности, я очень изумлен. Итак, я читал эти стихи, как будто рассматривал

какую-нибудь работу Челлини: совершенство ювелирного искусства. Но нет, или еще нет, поэзии. За этими строками совсем не чувствуется брожения новых соков, волнений сердца и мысли; это металлически и неодушевленно, а где хочет быть мысль, там только набор слов, очень сумбурный (напр. в стих. к В. Ш<варсалон> о колосе и пр.). Всего лучше удались пока описательные, экзотические пьесы, — стилизовка; но это и кажется мне опасным: стилизовка на первых шагах — дурной знак; она понятна в зрелости или старости как игра мастера. Но это я, может, и ошибаюсь» (Письмо от 21 декабря 1912 г. // ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 79. Л. 19). Чеботаревская отвечала: «Алексею Дмитриевичу Скалдину я передала то, что Вы писали мне о его книге, и это его чрезвычайно обрадовало, т. к. он считает Вас очень строгим, неумолимым. Он очень просил передать Вам его глубокую благодарность. Он все такой же хороший и глубокий малый» (Письмо от 6 февраля 1913 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 43. Ед. хр. 23. Л. 25).

8. Ю.Н. Верховский — Н. Г. Чулковой.
27 декабря 1926 / 9 января 1927. Ленинград¹

27.XII/9.I.1926/7
Петербург.

Сердечно уважаемая и дорогая Надежда Григорьевна.

Я не знаю, что мне делать с собой. Никогда я так не падал духом. Только этим объясняю себе то, что до сих пор не написал Вам. Но перед Вами это плохое извинение. Передо мной — начатое письмо к Вам, начатое полтора месяца тому назад, — где я говорю: «хоть я на днях и буду в Москве...» Я не верил себе, — но именно потому и нужно бы было письмо окончить и отослать поскорей. Я не могу здесь оставаться — и не могу выбраться отсюда. Не знаю, как развяжется этот узел — или как его разрубить. Я делал кое-какие попытки — и все они пока ни к чему не привели. А катастрофа с комнатой в Москве, конечно, очень подорвала дело — своим чередом².

Не буду, да и не смог бы, описывать Вам подробности моего положения и здешнего житья. О самочувствии и говорить нечего. Да я и высказал его — пожалуй больше, чем нужно.

Судите же сами, как я благодарен Вам за Ваше доброе и ласковое слово. Оно мне очень, очень дорого и необходимо.

Только не упрекайте меня за мое молчание — и что другим друзьям писал. Вы спросите у Цявловского, какие две даты стоят в начале и в конце письма к нему³. Я писал даже целый ряд писем — деловых. Но какого напряжения они мне стоили и по сколько раз я их переписывал! Нечто деловое хочу написать и Георгию, очень давно хочу — и надеюсь отправить вместе с этим письмом. А сколько писем необходимо нужных еще не написано! Но если я начну жаловаться, письму моему конца не будет, — а пусть уж лучше оно

будет покороче. Ничего хорошего я написать не могу — ни о себе, ни обо всем окружающем. Есть, конечно, и хорошее, да душа на него не открыта. Передайте, пожалуйста, мой привет всем, кого я люблю. А Вам кланяюсь низко.

Вам душой преданный

Ю. Верховский

Поздравляю Вас с Праздником. Вы, верно, хорошо встретили его в Москве. Очень мне жаль, что не мог прийти к Вам. А здесь и Рождество унылое.

¹ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 452. Л. 1–2.

² В октябре 1926 г. Верховский уехал в Ленинград, чтобы работать в комиссии по увековечению памяти В.Г. Каратыгина — своего зятя (ср. в его письме к М.А. Цявловскому от 20 октября 1926 г.: «Чем дольше сижу здесь, тем больше запутываются мои дела в Москве, а здесь подвигаются разве на волосок. Из всего, что здесь меня держит, главное — спешная и срочная трудная работа. Свалилась на меня как снег на голову. И была бы очень нужной и существенной, если бы не все убивающая спешка и не летели бы вверх тормашками все прочие намерения, все, за что я как-то цеплялся, чтобы карабкаться и не приходило в последнее отчаяние. Эта работа — биография покойного Славочки Каратыгина. Комитет его памяти не нашел никого кому бы ее поручить кроме меня. И я, главным образом ради сестры, не мог уклониться. А между тем дело поставлено так, что в сущности немислимо что-нибудь сделать: статья должна быть готова к первым числам ноября, чтобы сборник, для которого она предназначается, вышел к годовщине смерти; материалы нужно собирать по крохам, пересматривать груды рукописные и печатные, ловить словесные указания и т. д.» (РГАЛИ. Ф. 2558. Оп. 2. Ед. хр. 410. Л. 1 об.–2)). Фоном для отъезда был его конфликт с соседями по коммунальной квартире, обстоятельства которого транслировались ему поэтессой М.П. Кудашевой (Кювилье), будущей женой Р. Роллана, чья избыточная практичность тяжело сходилась с «неотмирностью» Верховского, хорошо заметной в публикуемой переписке. 14 октября 1926 г. Верховский писал И.А. Новикову: «А подумать о Москве тяжело, — знаете из-за чего? Из-за Майи, которой нужно отдать деньги за дрова и на дрова. Перед отъездом был жесткий разговор — она завела, а я должен был смириться» (РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 4. Ед. хр. 566. Л. 4 об.). В соответствии с тогдашней практикой, после отъезда Верховского домовый комитет задумал посвятить на его опустевшую комнату; Кудашева писала ему 23 октября 1926 г.:

«Милый Юрий Никандрович,

Что Вы не едете и не пишете? Здесь со всех сторон Вас спрашивают. С курсов приходили раз 6. Домком меня мучает, все на Вашу комнату зарятся. От Фининспектора Вам бумаги “обязательно” явиться к нему 25 (!).

Напишите когда приедете, а то я не знаю, что говорить и делать. Требуют от меня объяснений, а я ничего не знаю сама.

Надеюсь, что приедете очень скоро. Во всяком случае, напишите сейчас» (РГБ. Ф. 218. Карт. 1262. Ед. хр. 11. Л. 3). Месяц спустя события стали развиваться стремительно:

«Милый Юрий Никандрович,

Ждала Вас 27-ого, накануне послала Вам телеграмму о том, чтобы Вы непременно приехали в субботу утром; Вас же и сегодня нет! — А вчера сломали Вашу печь, и в комнате уже вчера сидели бы минские жилицы — 2 еврейки, которые живут в комнате соответствующей моей, если бы не было в стене дыры от выпавших

кирпичей (после сломки русской печи). Я с очень большим трудом удержала комнату с 19-ого ноября, когда ее хотели взять. 25-ого ночью к маме ворвались почти (она не хотела пускать, но испугалась и конечно не могла не пустить, т. к. они грозили Вам и мне милицией и вообще невозможно было каждый день иметь скандалы и угрозы) — Жаров, Щербаков (как “понятой”) и кто-то третий. Они осмотрели Вашу комнату и сказали, что займут ее на другой день. Я вернулась сейчас же после сего визита и пошла к ним. Вначале ругались; показывала бумагу Кубу, они говорили, что она не играет роли, что все равно возьмут и т. д. Я тогда решила хитростью еще оттянуть на день, и сказала, что согласна пустить евреек, но что в пятницу мне неудобно, а в субботу. В пятницу утром отнесла телеграмму Новикову и он ее послал Вам. В субботу утром жена Жарова хотела придти мыть комнату, я снова не пустила, сказала что в воскресенье удобнее. Снова ругались. Вас же и в воскресенье нет! — Сегодня ушла с утра, мама же сидит дома, стережет. Не знаю приедете ли, если бы сегодня, м. б. еще и сумели бы удержать комнату. Новиков уверяет, что это самоуправство со стороны домоуправления. Но я ничего не могу сделать, а Вы могли бы, если бы были тут. Я в отчаянии: если бы Вы хоть вместо “приеду на днях” телеграфировали точно: “в воскресенье”, “в понедельник” и т. д. мы могли бы с мамой повесив замок уйти из дому. Не сломали бы ведь они замок! Но “на днях” туманно. В письме от 14/X Вы также писали “на днях”. — А прошло полтора месяца! — Теперь уже не знаю, что будет когда приедете. Я уже пытаюсь не буду, а Вы защищайтесь. Меня все за это время достаточно мучили, и маму тоже. Все-таки если бы Вы приехали вчера еще, я думаю, что наверняка спасли бы комнату въехав в нее еще пустую. А теперь не знаю, что будет.

И книги — требуют чтобы я вынесла. М. б. их надо оставить, а вдруг раскрадут? — Придется вынести. Но куда?» (Письмо от 29 ноября 1926 г. // Там же. Л. 4–5 об.).

В результате день спустя комната была занята. Кудашева сообщала в сделанной днем позже приписке к тому же письму:

«Книги ваши лежат в шкафу, они сказали, что трогать их не будут. — Ругала бы Вас, если бы уже не было Вам так плохо: ведь когда Вы уезжали и я говорила Вам как бы не случилось то, что случилось, Вы злились, уверяли “через 2 недели вернусь”. Надо было взять бумагу от Кубу, сказать домоуправлению, вообще думать о том, что может случиться, что задержитесь. И в крайнем случае приехать на первую же телеграмму или уже обязательно на последнюю. <...> Ну вот; если приедете, советую Вам ехать прямо к Новикову или Чулкову с вещами, ибо в’едете в квартиру, где Ваша комната занята, а мамина и моя — заперты на замок, т. ч. и вещи некуда поставить. Оставьте вещи у Нов. или Чулкова и мчитесь к Шпаро (раньше зайдя ко мне в Посольство, чтобы я все Вам сказала как было). Потом к Шпаро, в Кубу, и м. б. они и сделают что надо. — Иначе не знаю как быть» (Там же. Л. 6 об.).

29 ноября 1926 г. Верховский писал М.А. Цявловскому: «Майя <Кудашева> злодейка моя и погубительница, но Вы добейтесь у нее и возьмите в моей комнате все, что Вам нужно, хотя бы показав ей правдивые и чистосердечные эти строки» (ИРЛИ. Ф. 387. Ед. хр. 108. Л. 2).

³ Вероятно, имеется в виду процитированное выше письмо от 20 октября 1926 г., но дата на нем проставлена по обычаю Верховского в старом и новом стиле.

9. Ю.Н. Верховский — Г.И. Чулкову
10 января 1927. Ленинград¹

28.XII.926 / 10.I.927.

Петербург.

Дорогой друг Георгий

Поздравляю тебя и твоих с Праздником. Мечтал встретить его в Москве. Но я тут окончательно запутался. Как пишу Надежде Григорьевне, — не могу здесь остаться и не могу отсюда выбраться. Некоторые подробности обо мне и моих делах тебе расскажет большой мой приятель Долинин Аркадий Семенович, которого я просил побывать у тебя². Между прочим, просьбу мою поговорить с Тихоновым беру обратно: на днях получил от него ответ на письмо — не утешительный: с изданием Фъезоланских Нимф, на которое он меня несколько обнадеживал, надо погодить; с изданием другого перевода под моей редакцией — то же³. Еще одна издательская попытка, совместная с Долининым, потерпела «киоско» здесь⁴. Устроили для меня тут вечер моих стихов — и он не оправдал ожиданий. Точно так же и прочие попытки достать откуда-нибудь какие-нибудь деньги. Последнее время я в полном упадке и просто сижу или, точнее, лежу сложа руки. По ночам перестал спать окончательно. Давно уже держит меня здесь не дело, а домашние и денежные затруднения, совершенно невылазные. Не раз был я близок к решению махнуть на все рукой — и ехать в Москву, занявши 10 р. (на дорогу-то дадут как-нибудь). Но теперь, когда у меня ни кола, ни двора в Москве, каково мне свалиться друзьям как снег на голову — да еще испортить им праздники. Не последнее я не решился. А теперь продолжаю блуждать в трех соснах. О добром предложении Б.А. Шпаро я просил поговорить в Москве Долинина: как его возможно реализовать?⁵ Пожить в Узком хорошо, я бы снова немножко отошел. Но, конечно, на праздниках нельзя было бы туда ехать — по многолюдству. Кроме того, туда нужно взять работу — сколько-нибудь денежную. И здесь мне необходимо заткнуть хоть некоторые дыры — например, заплатить за квартиру. К 1-му февраля 40 р.: жену притягивали к суду — и оставили в покое, вынудив подписать вексель. Ну, уеду; ну, поживу в Узком — а дальше что? Если и будет работа, да не будет комнаты? А здесь комнаты есть, да жить не вмоготу — и работы нет, да и не будет. Вот тут и действуй. Ума не приложу. Пишу «деловые» письма — и ответов не получаю. А уж ты, дорогой, отзовись. Евдокии Ивановне последнее время не пишу: нельзя на нее тоску нагонять⁶. Напиши мне о ней два слова: как она себя чувствует, как живет.

Передай ей поклон и привет. Кланяюсь низко Любви Ивановне⁷. Людмиле Михайловне нижайший поклон⁸. Как она поживает? Анне Ивановне буду писать особо.

Обнимаю тебя.

Твой Ю. Верховский.

Ленинград, Малая Посадская, д. 19, кв. 9.

¹ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 308. Л. 1–2 об.

Конверт утрачен.

² Аркадий Семенович Долинин (1880–1968) — филолог. Верховский несколько раз в письмах характеризует его как «друга» (см., например: Письмо к В.Д. Бонч-Бруевичу от 18 июня 1932 г. // РГБ. Ф. 369. Карт. 250. Ед. хр. 18. Л. 1) или одного из «друзей-приятелей» (Письмо к Л. Горнунгу от 14–23 октября 1931 г. // РГБ. Ф. 697. Карт. 1. Ед. хр. 8. Л. 7 об.).

³ В процитированном выше письме к М.А. Цявловскому от 20 октября 1926 г. Верховский, среди прочего, сообщал: «Собираюсь писать Егору <Чулкову>, не знаю когда соберусь. При свидании скажите ему, пожалуйста: не будет ли он в “Круге”? Не спросит ли Тихонова о судьбе моего перевода Бокачковских Нимф? Не напишет ли мне?» (РГАЛИ. Ф. 2558. Оп. 2. Ед. хр. 410. Л. 2 об.); Егором называл Чулкова и М.А. Цявловский. Речь идет о книге Д. Боккаччо «Фезоланские нимфы», которую Верховский начинал готовить еще для издательства Сабашниковых в 1915 г. Тогда перевод остался неизданным. Не вышел он и в упомянутом здесь московском издательстве «Круг», в работе которого принимал участие писатель Александр Николаевич Тихонов (1880–1956). Напечатан он был только в издательстве Academia. О каком втором переводе здесь идет речь, мы не знаем.

⁴ Этот проект нам неизвестен.

⁵ Борис Александрович Шпаро (1890–?) — юрист. Учился в Московском университете и Московской консерватории. В описываемое время был управделами Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ). Позже стал ответственным секретарем редакции журнала «Вестник АН СССР», затем состоял референтом президента Академии наук, после возглавлял отдел Академпродснаба. Его (обсуждаемое далее) предложение состояло в том, чтобы поселить Верховского на время в санатории «Узкое», расположенном в бывшем имении Трубецких и переоборудованном для восстановления нервов работников умственного труда в 1922 г. (см.: [19, с. 14]). Вероятно, Чулков состоял со Шпаро в неплохих отношениях — по крайней мере, двумя годами раньше он хлопотал о подобной услуге для М.О. Гершензона: «Я был сегодня утром в Цекубу, но Шпаро не было в это время. Секретарша многоопытная барышня» объяснила мне, что в Узком совсем нет комнат на одно лицо. Есть только четыре комнаты на двоих. Я завтра опять зайду в Цекубу и попробую поговорить со Шпаро. Между прочим, секретарша сказала, что июль весь расписан, что свободен будто бы только август и завтра последний день подачи заявлений» (Письмо Чулкова к Гершензону от 17 июня 1924 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 43. Ед. хр. 40. Л. 6).

⁶ См. примеч. 7 к письму 4.

⁷ Любовь Ивановна Рыбакова (1882–1972) — сестра Чулкова, художница.

⁸ Людмила Михайловна Лебедева — балерина, солистка московской «Мастерской драматического балета», состоявшая с Чулковым в оживленной переписке; адресат его любовной лирики.

10. Ю.Н. Верховский — Г.И. Чулкову
9 февраля 1927. Ленинград¹

27.I / 9.II.1927.
Петербург.

Милый Георгий

Я виноват перед тобой в молчании. На днях я получил от Майи вопрошающее письмо, а вот и твое². Чувствую, что почва ускользает из-под ног. Но что же мне делать? Я запутался. Дома у меня очень неблагополучно. Сын болен³. Денег нет, достать не удастся. Суечусь с рядом литературных проектов — и в Прибое, и в Academia, и в Го-с<ударственном> Издат<ельств>е и пр. Судьба их решается очень медленно, а добиться хоть какой-нибудь, хоть в чем-нибудь реализации, т. е. денег — единственный выход. Здесь мне жить нельзя. В Москву необходимо приехать скоро. И я приеду. Но как? И как буду жить? Ничего не знаю.

Пишу два слова, чтобы ты знал мое положение. Молчанием своим я больше всех виноват перед И.А. Новиковым. Ему нужно написать подробности деловые. Начинать не раз, трудно. Мне ничего не пишут ни из Б<ольшой> Энциклопедии, ни с Курсов⁵, ни об Ак<адемии> Х<удожественных> Н<аук>⁶.

Привет мой душевный Надежде Григорьевне.

Твой Ю. Верховский.

¹ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 308. Л. 3–3 об.

Конверт. П. ш.: Ленинград (17.2.27); Москва (18.2.27).

² Майя — М.А. Кудашева (см. примеч. 2 к письму 8). Названные письма не сохранились или не разысканы.

³ Никита Юрьевич Верховский (1903–1954) — театральный критик и поэт.

⁴ Верховский работал над несколькими статьями для «Большой советской энциклопедии», но, по своему обыкновению, пропустил объявленные сроки. 27 октября 1926 г. он писал Л.П. Гроссману: «Меня удручает невозможность до сих пор возвратиться в Москву. Сделайте мне великое одолжение. Вы, верно, бываете в редакции Б<ольшой> Сов<етской> Энциклопедии. Не откажите узнать у С.А. Макашина и написать мне в двух словах: в каком положении печатание буквы Б? Остается ли еще за мной возможность представить порученные мне статьи, или дело погублено? Они в работе, со дня на день я надеялся закончить и выслать или привезти; думаю, что это удастся в ближайшем будущем, но все не могу освободиться. Я поглощен срочной и спешной работой, от которой не был вправе уклониться — биографией покойного В.Г. Каратыгина, моего друга и родственника. Материалы к ней можно собрать только на месте. Я погружен в разборку бумаг, в собиранье документальных, печатных и изустных сведений, установление фактов и дат, предварительные наброски и т. п. Выручите меня, сообщите также о моем положении в Ак<адемии> Х<удожественных> Н<аук> к подлежащему сведению» (РГАЛИ. Ф. 1386. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 1). Буква «Б» в первом издании энциклопедии занимает 4–8 тома. Вероятно, изначально Верховский должен был быть автором статьи «Баратынский», но в итоге она была написана Н. Пиксановым.

⁵ Преподавание на курсах Верховский упоминает в письме к И.А. Новикову от 15/25 сентября 1927 г.: «Если будете на курсах и понадобится за меня вступить, пожалуйста, сделайте это» (РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 4. Ед. хр. 566. Л. 8) и еще раз годом позже, 26 сентября 1928 г.: «Опять бегу к Вам, дорогой Иван Алексеевич. Дело с издательством несколько затягивается. Между тем курсы меня беспокоят. Я просил поставить мои лекции либо на понедельник и вторник, либо на пятницу и субботу. Если решено последнее, то я бы мог остаться здесь до четверга. Будьте добры, позвоните Захарову-Мэнскому, спросите его и черкните мне открытку, м. б. в воскресенье успею получить» (Там же. Л. 10). Упоминание Н.Н. Захарова-Мэнского убеждает в том, что речь идет о Высших Государственных литературных курсах, просуществовавших с 1925 по 1929 г. Верховский преподавал там историю русской литературы XIX в.

⁶ Верховский был сотрудником Государственной академии художественных наук (его личное дело: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 100).

11. Ю.Н. Верховский — Г.И. Чулкову
21 июля 1927. Ленинград¹

8/21.VII.927.
Петербург.

Милый друг Георгий

Наконец могу сказать тебе, что еду в Москву. С величайшим трудом заканчиваю последние дела и, можно сказать, на последние деньги готовлюсь выехать отсюда в ближайшее воскресенье, т. е., ежели не ошибаюсь, 24-го числа — вместе со Скалдиным Алексеем Димитричем². Один — я, м. б., еще несколько времени не нашел бы в себе энергии сдвинуться, а между тем я тут прогорел окончательно. Подробности расскажу, а сейчас дело в том, что, как я только что узнал, Цявловского нет в Москве. Между тем я уговорился остановиться у него. И вот, на случай, ежели его квартира пуста и заперта (а, м. б., там Таня?³), — я на несколько дней явлюсь к тебе, в расчете, что ты, м. б., один, о чем и хочу предупредить на всякий случай. Несколько дней — потому что планы мои сейчас — дальше Москвы. Тоже объясню при свидании. А пока что дружески тебя обнимаю, рассчитывая на доброе твое гостеприимство, кланяюсь нижайше Надежде Григорьевне и Анне Ивановне.

Твой Юрий.

¹ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 308. Л. 5–5 об.

Конверт. П. ш.: Ленинград (22.7.27); Москва (23.7.27).

² См. примеч. 2 к письму 7.

³ Таня — почти наверняка Татьяна Григорьевна (урожд. Зенгер, в первом браке Вельц, во втором Тепина; 1897–1978), будущая жена Цявловского.

12. Ю.Н. Верховский — Г.И. Чулкову
7 июля 1928. Москва¹

Сижу здесь и читаю старую статью: «Новое о Пушкине»², продолжая рыться в литературе для Анны Петровны³. Пользуюсь случаем послать привет тебе, дорогой друг Георгий и сердечно уважаемой Надежде Григорьевне. Если в таком темпе буду и дальше устраивать свои дела, пожалуй и дождусь тебя в Москве. Впрочем ты, верно, и хорошо работаешь и хорошо отдыхаешь, чего от души тебе желаю. Твой Юрий.

¹ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 308. Л. 7.

Текст представляет собой приписку к открытке неизвестного нам Волкова: «Сердечноуважаемый и дорогой Георгий Иванович,

Деньги в “Огоньке” я получил в назначенный день и безо всяких задержек. Все 100 руб. у меня. Если Вам нужно сделать какие платежи из них, переслать, или отвезти куда, располагайте мною. Сделаю все охотно.

Волков.

Москва, 7.VII.28».

² Статей с таким названием довольно много. Может быть, имеется в виду работа Б. Томашевского (Литературная мысль. Альманах. Пг.: Мысль, 1922. Т. 1. С. 171–186).

³ О чем идет речь — неясно. Единственная известная нам Анна Петровна среди знакомых Верховского — художница Остроумова-Лебедева, с которой он был знаком с 1910-х гг.

13. Ю.Н. Верховский — Г.И. Чулкову
27 февраля 1932. Ленинград¹

27.II.932.

Дорогой друг Георгий

Ты очень хорошо сделал, что написал мне. Я все время в очень тяжелом состоянии, и эти волнения из-за комнаты продолжали меня мучить. Не даром я их серьезно боялся. Едва собираю мысли, пишу с большим трудом, как и вообще теперь. Ты помнишь, я успел сказать тебе в моей комнате, до всех объяснений: имей в виду, я очень болен, да и ни к чему хорошему все это не поведет. Так и вышло. И вот тут-то — единственная точка, в которой у тебя могло остаться на меня чувство обиды, а я мог ли не договорить, или — переговорить. Беда в том, что и раньше, и накануне мы с тобой едва успели повидаться, и я не рассказал тебе толком о своем самочувствии. А то бы ты меня понял и понял бы, что значило мое предупреждение, я очень болен. А — коротко сказать — значило оно вот что: я в совершенном нерв-

ном расстройстве и вынужден был приехать в Москву и разговаривать с людьми, после трех месяцев сиденья взаперти и боязни выйти на люди. Вот тут и выходит со мной, между прочим, такая штука, что я начинаю путаться, все в голове перемешивается, и я иногда говорю невообразимый вздор, или обратный тому, что хочу сказать, или и вовсе не имеющий человеческого смысла. Иногда спохватываюсь, а иногда и нет: бывает, потом, уже поздно, всплывет в сознание, что неладное наговорил. Вот, м. б., и в этой каше с Опочиниными я заговорился, потому что был я и возбужден, и утомлен страшно². Только припоминаю — и не могу припомнить. Ежели я в самом деле тут чем-нибудь тебя обидел, то прости меня, дорогой, или не вмени мне в вину. А сознательно, уверяю тебя, я чист и прав. Ведь я же представляю себе всю трудность твоего положения и душой чувствую — в последнем ты, по старой дружбе, не можешь сомневаться. И уж если не сделал ничего для тебя, значит — не мог. А ты не только усомнился во мне, но и решил, что я кругом виноват, а ты кругом прав. Нет, не следовало тебе поднимать этой истории — ни разговаривать с Опочиниными, ни ставить меня в виноватые.

Мне, впрочем, понятно твое отношение, слишком чувствительное, к этому делу. Пойми же и ты меня — и не вини. А болезненное мое состояние учти всячески. Я очень болен, особенно в смысле нервов; и ослабление сердца, и общая слабость, иногда — до полного упадка сил. Опять не сплю по ночам и перехожу от подавленности к крайнему возбуждению. То совершенная путаница в голове, страшно напряженная, то жуткая пустота и бессилие мысли. Иногда мне кажется, что я с ума схожу — и ужас овладевает мной. Иногда, в спокойствии и тишине совсем справляюсь с собой. Поездка в Москву мне повредила, усилив переутомление. С другой стороны, она немножко меня сдвинула с места и показала, что кое-какие силы еще есть, — не хочу отчаиваться. Я ее перенес, и здесь продолжаю иногда выходить, впрочем после долгого отдыха. Однако спокойным (относительно) чувствую себя только сидя на месте. Особенно — за письменным столом. Сажу много, медленно занимаюсь Боратынским, пока могу дома, — собираю по книгам материал к комментарию³. Для текста у меня много уже сделано. Эти занятия, хоть и утомляют, дают мне некоторое отвлечение и спокойствие, благо пока что не требуют напряжения: я ничего еще не начал писать, кроме био- и библиографических выписок. А писать мне очень трудно. Особенно письма, как всегда. И вот это письмо стоит мне больших усилий и долгого времени, хоть я и спешил выговориться и свалить с себя это необходимое разъяснение нашего недоразумения. Оттого и вы-

шло длинно, но, надеюсь, убедительно. *Dixi et animam levavi*⁴. Устал страшно. — Надежде Григорьевне мой низкий поклон. Хотелось ей написать особо, но отлагаю до лучшего самочувствия. Anne Ивановне большой привет. Жалею, что не повидал ее. А ты в моей любви не сомневайся: не она ли и вывела меня тогда из равновесия? — Отвечай мне, пожалуйста, соберись со временем. Я, хоть и с трудом, но письма пишу. Писал, между прочим, Ивану Алексеевичу⁵, от него пока не получил. — Обнимаю тебя.

Твой Ю. Верховский.

¹ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 308. Л. 8–9 об.

Конверт. П. ш.: Ленинград (28.7.32); Москва (1.3.32).

² Речь идет о мемуарных записях писателя Евгения Николаевича Опочинина (1858–1928), прежде всего его воспоминаниях о Достоевском. Верховский скопировал их в начале 1930-х гг. 27 августа 1931 г. он писал М.А. Цявловскому: «Оставляю тебе переписанную часть воспоминаний Е.Н. Опочинина. М. б. на досуге прочтешь. Хотел передать М.В. Сабашникову, с которым говорил уже довольно давно, но м.б. лучше ему дать рукопись уже в полном виде» (ИРЛИ. Ф. 387. Ед. хр. 108. Л. 7). Этот план не удался, но летом 1932 г. возникла идея напечатать их в сборнике «Звенья». 18 июня 1932 г. Верховский писал В.Д. Бонч-Бруевичу: «Мой друг А.С. Долинин сообщил мне, что Вас заинтересовали Беседы с Достоевским Е.Н. Опочинина. С большой готовностью и радостью посылаю Вам эту замечательную рукопись <...>» (РГБ. Ф. 369. Карг. 250. Ед. хр. 18. Л. 1). Напечатаны они были в шестом выпуске «Звеньев» (М.; Л.: Феникс, Atheneum, 1936). Опочининские материалы послужили одним из источников биографического исследования Чулкова о Достоевском, не изданного при жизни автора (см.: [22, с. 419]).

³ Верховский готовил двухтомное собрание стихов Баратынского для издательства «Academia». Издание осталось неосуществленным. См. примеч. 18 к письму 5.

⁴ Сказал и на душе стало легче (лат.).

⁵ И.А. Новиков.

14. Ю.Н. Верховский — Г.И. Чулкову
25 августа 1932. Покровка Московской области¹

25.VIII.932.

Покровка.

Милый друг мой Георгий, очень ты меня порадовал письмом своим, хотя и не радостным — долгожданным. Спасибо тебе. Много и о многом хотелось бы с тобой говорить. Однако начну с дела, руководясь мнением Боратынского, что «самая дружеская переписка — деловая»². О нем и дело. Ты меня взволновал известием о разговоре в редакции. Я ждал его и боялся. Как счастливо, что ты был тут — и своим вмешательством, надеюсь, хоть на время, от-

клонил грозу, висящую надо мной. Когда еще не было поздно (формально), в конце мая, начал я хлопоты об отсрочке представления в Academi-ю издания Боратынского³. Срок был 1-го июня. Раньше не начинал хлопотать, м. б. напрасно. Мне, конечно, было ясно, что запоздаю с работой; но я был до того болен и плох, что не смог себя подвигнуть на какие-нибудь твердые шаги. Писать о своих недугах и расписывать свое тяжкое положение — вообще, конечно, трудно; а говорить о достоинстве своей многолетней работы, о значительности уже сделанного, о большом труде, положенном и в последнее время, о сложности и ответственности всего дела и т. д. — это еще труднее. Поэтому я тогда не стал писать прямо. Да и не знал кому. А написал приятелю моему Борису Лопатинскому, знавшему положение и вхожему в издательство⁴. Он взялся уладить дело, т. е. сходить и поговорить — предупредив только, что в ближ<a>йшие дни занят. Я писал ему дополнительные указания; не получая ответа, писал еще и еще раз. В заключение через два месяца получил известие, что он ничего не сделал и сделать, по занятости, не может. Тогда я писал (два раза) Зенкевичу⁵, прося информировать меня о положении дела в издательстве, о всей серии поэтов и пр. До сих пор ответа не получил. Такова история «вопроса». Все это я подробно описал в письме к Ив. Ал.⁶ В итоге стало еще труднее теперь писать самому в издательство. — Настоящее положение мое таково. Работа по рукописям в Пушкинском Доме почти закончена; на днях надеюсь ее возобновить и в течение сентября закончить (насколько могут быть закончены архивные розыски). Печатный материал, относящийся к тексту I тома, можно сказать, почти проработан. Основной текст почти выработан. Материал для комментария собран в очень большом количестве. Но до точки, на которой я решил бы остановиться, еще не дошел. Вообще же, как ты знаешь, исчерпать это никогда нельзя. Но главное, что осталось, это — все это сводить, из груды выбирать существеннейшее, сжимать, писать и переписывать. Много хлопот и с механическим облаживанием представляемой рукописи текста. Мне, ведь, никто не помогает, все должен делать сам. Еще важная вещь: поневоле работа естественно идет в известной мере над обоими томами сразу. Сейчас, для I тома, это задержка; но в итоге — выигрыш; и со II томом задержка, надеюсь, будет меньше. А в нем, особенно по части писем — три четверти сделано мною (с прежними «публикациями») — будет очень много нового. Собрано же воедино все будет впервые. NB Архивно и документально работаю над Боратынским с 1908 г. (См. в Известиях Академии мои отчеты о командировках: главный рукописный «фонд» Боратынского

я и собрал)⁷. Вот тебе и «послужные» беспристрастные сведения. Все это, м. б., хорошо. А худо одно. Месяцев семь почти вовсе пропали для моей работы: был я болен и очень болен; но болен я и посейчас. Зимой — вернее, еще с осени — я совсем не мог работать; потом работал кое-как, не выходя из комнаты; с конца зимы еле-еле стал ходить в Пушкинский Дом, то и дело опять болея; наработал все-таки не мало, но 18-го июня — не то что приехал, а, вернее, меня привезли сюда; на днях возвращаюсь в город, — конечно, поправился, но все-таки не уверен, что буду куда-нибудь годиться, особенно — надолго. Вот положение мое. Отсюда вывод и виды на будущее. Мне нужна отсрочка настоящая, основанная на доверии, на признании сделанного мною и на понимании — не говорю уже сложности моего положения (NB — это основная и драгоценная для меня работа), — но ответственности, сложности и нужности всей этой работы, значения того, чтобы дать ее довести до конца как следует. Мне думается, что реально большой спешности и срочности в этом деле для издательства нет. Если только это так, то есть шансы на благополучный исход. Зачем я все это пишу тебе? А затем, что только на тебя да на Ивана Алексеевича вся моя надежда. Ты начал в добрый час разговор обо мне с Каменевым⁸, — возобнови его. Иван Алексеевич, если нужно, — верно, к тебе присоединится. Выручайте меня, друзья мои милые, а то, ведь, я пропал, совсем пропал. На этом пока прерываю письмо. И так оно задержалось. Писал его в несколько приемов. Если завтра не надо будет спешить с отправкой, м. б. вернусь к нему.

Буду писать. Обнимаю тебя, друг. Твой Ю. Верховский.

¹ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 308. Л. 11–13 об.

Конверт. П. ш.: Москва (25.8.32), Ленинград (30.8.32).

² Неточная цитата из письма Е.А. Баратынского Н.В. Путьте от середины декабря 1838 г.

³ См. примеч. 18 к письму 5.

⁴ Художник Борис Львович Лопатинский (1881 – после 1946), знакомый Верховскому по Тифлису, где он преподавал в школе живописи и скульптуры. В 1918 г. работал в Наркомпросе. В 1935 г. был репрессирован, в 1946 г. освобожден из лагеря.

⁵ Поэт Михаил Александрович Зенкевич (1886–1973).

⁶ Новикову. Это письмо (от 21 августа 1932 г.) сохранилось: РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 4. Ед. хр. 566. Л. 77; здесь также излагается история с ходатайством Лопатинского: «Первый срок представления I тома был 1-го июня. К этому времени я наработал правда очень много, несмотря на все препятствия, но ясно видел грозившее мне банкротство — написал приятелю моему Лопатинскому — художнику, бывающему в издательствах и имевшему возможность поговорить с Каменевым — о чем я и просил его <...>».

⁷ Имеется в виду работа: *Верховский Ю.Н.* Отчет о поездке летом 1908 года (СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1908. 10 с.; оттиск из: Известия императорской Академии наук. 1908. VI серия. № 16. С. 1202–1210). В ней он описывает несколько поездок по центральной России с целью сбора архивных материалов — две поездки в село Татёво Смоленской губернии к В.А. Рачинской (приходящейся ему родственницей), поездку в Казань к А.Н. Боратынскому, к нему же в имение Шушары под Казанью, к З.Е. Геркен в имение Юматово, к С.С. Чичериной в Тамбовскую губернию, в Симбирск к наследникам Н.М. Языкова и др. Здесь же приводится предварительная опись полученных им материалов. Представляя их Академии наук, Верховский не без основания рассчитывал, что разбор и публикация их будет доверена ему; в действительности этого не произошло.

⁸ Подробности беседы Чулкова с Л.Б. Каменевым нам неизвестны.

15. *Ю.Н. Верховский — Г.И. Чулкову*
10 сентября 1932¹

10.IX.932.

Милый друг мой Георгий, приехал из Москвы Долинин и рассказал мне об успешном разрешении дела с отсрочкой по Боратынскому. Спасибо тебе, дорогой, я прежде всего тебе этим обязан. Камень свалился с плеч моих. Теперь ожидаю официального извещения от издательства: Аркадию Семеновичу сказано, что мне такое извещение пошлют. Это закрепит дело. Ему же определенно сказал Л.Б. Каменев, что отсрочку мне дают серьезную — на год. Это для меня имеет огромное значение: тот же Долинин, верно тебе рассказал о моем самочувствии: я все еще болен и слаб не на шутку, от всякой небольшой ходьбы утомляюсь, от 4–5 часов работы болит голова и т. д., так что напряженно и спешно ничего делать не могу. А делаю все, что могу — это не фраза. И определенно рассчитываю, если не привезти в первых числах, то вскоре по приезде моем сдать в издательство готовый к печати основной текст I тома. Таким образом у них будет в руках материал — и свидетельство произведенной работы. Но весь аппарат и все, что мне нужно писать, я не в силах поднять иначе, как очень медленно: мог бы погибнуть от одного обилия — и собранного мной, и намеченных разысканий — для II тома предстоит едва ли не больше раскопок, чем для I, хотя собрана груда. Только бы силы. Скажу тебе коротко, что два с половиной месяца в деревне, конечно, все-таки меня укрепили, и там я кое-что сделал; хотя вторая половина этого пребывания — уже одной теснотой жилья и знакомыми тягостями домашнего быта — многое отняла. А ты неужто не сдвигался из Москвы? Я никак этого не думал, представлял себе тебя на юге! — Я верен себе: эпистолофобия. Кончаю письмо уже

по получении твоей открытки. Спасибо*. Обнимаю тебя, Надежде Григорьевне низко кланяюсь. О ней слышал, что она возвратилась. А что Анна Ивановна? Передай ей дружеский мой привет.

Твой Ю. Верховский.

10.IX.

P.S. Хочется еще поговорить. Я очень мало знаю о тебе за последнее время. Давно бы написал тебе, если бы писалось легко. Ты меня расшевелил. Не оставляй же и вперед, прошу тебя, улучай минуту и пиши несколько строк о себе. Неужели ты так и не выберешься из Москвы, хотя бы осенью? Для себя-то я хотел бы, чтобы ты повременил до моего приезда: сколько времени не выдались!

Ты бодр и деятелен — не чета мне. Книжные неудачи тебя, видимо, не смущают настолько как меня (хоть мои и меньше: на корректуре застряла гражданская поэзия; давным-давно сданные — не выходят: Вазари, Эгмонт, Броневский, примечания к Пушкину; в рукописи лежат не только Фьезоланские Нимфы — набирается все-таки не мало!)². Я как-то заробел от этой тягучки, — измором берет. Да не в этом дело. Как не заробеть от больших печалей? Один за другим помирают люди-сверстники, да и младшие. Или уж мы дожили до возраста, когда приходится провожать — и дожидаться своей очереди? Но и тут ты бодришь меня: заочно разделяю радость твою молодым всходам, как Павел Васильев³. Хотел бы послушать его,дохнуть свежим воздухом поэзии. Это бы меня оживило. Давно не читывал новых поэтов. Не тут бы говорить, а скажу, что и самому еще утешно писать стихи — для себя. Если не пишешь, послушайся меня и пиши хоть иногда (времени для этого не нужно!) — да присылай мне. Пожалуйста! Я семь месяцев не писал ни строки, а теперь, летом и днем (не осенью и не ночью) написал целый том — ненужный, а, м. б., и плохой, — да не в этом дело. Однако, забастовал. А ты теперь начни, — право!

Твой Ю.В.

*Волнует меня все-таки словно не полная еще решенность дела!

¹ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 308. Л. 15–18 об.

Конверт. П. ш.: Ленинград (15.9.32); Москва (16.9.27).

² Перечислены работы Верховского 1930-х гг.: перевод «Жизнеописаний наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» Джорджо Вазари (М.; Л.: Academia, <1933>. Т. 1–2; совместно с А. Губером, А. Дживелеговым и А. Эфросом); перевод трагедии Гете «Эгмонт» (*Гете И.* Собр. соч.: в 13 т. М.; Л.: Гос. изд. худ. лит., 1933. Т. 3: Драммы в прозе. С. 261–352); перевод стихотворений польского поэта Владислава Броневского (1897–1962), выполненный для издания: *Броневский В.* Избранные стихи 1923–1931. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1932. 84 с.; несколько

пушкиноведческих трудов, подготавливаемых для альманаха «Звенья» (в свет они не вышли). О «Фьезоланских нимфах» см. примеч. 3 к письму 9.

³ Павел Николаевич Васильев (1909–1937; расстрелян) — поэт.

16. *Ю.Н. Верховский — Н. Г. Чулковой.*
9 марта 1940. Ленинград¹

9. III. 940

Ленинград

Дорогая и сердечно уважаемая Надежда Григорьевна, простите меня. Неспособность писать письма — исконное мое злосчастное свойство. Преодолеть его, сидя здесь, мне приходилось не раз, но все через силу по деловым поводам. Написать же от сердца что-нибудь складное и, конечно, более существенное, чем все деловое — и желаннее, и нужнее, но зато и труднее во много раз. А тут еще меня обескураживало как раз то небольшое, что я мог сообщить Вам о делах. Все ждал какого-нибудь поворота к лучшему. На опыте предполагаемого издания моих стихов я убедился, что это — дело очень трудное². Для меня оно, несмотря на предварительную подготовку, за все эти месяцы не подвинулось почти ни на шаг. Только стало очевидно, что сдвинуть что-нибудь может, в сущности, одно прямое распоряжение из Москвы, т. е. московской редакции Советского Писателя — или правления союза. Полной неопределенностью встречено было и мое дело, и вопрос об избранных стихах Георгия³. Остается, я думаю, хлопотать, начиная Союзом и уже с подготовленной книгой в руках. Этим подготовлением я и хотел бы, если позволите, заняться вместе с Вами по приезду в Москву. О библиографии много нужно поговорить. Это дело важное, и очень хорошо, что Вы сами взяли его на себя, хотя без посторонней помощи, конечно, не обойтись.

Но здешние дела мои все затягиваются и я, при всех усилиях, не могу добиться ни обещанных договоров, ни каких-нибудь денег, хотя речь идет, между прочим, об одной готовой работе и другой, здесь на две трети исполненной⁴. То же и с московскими делами, несмотря на усиленную обременительную переписку. Между тем дома у меня не очень благополучно: жена⁵ серьезно болеет, — плеврит. Она Вам сердечно кланяется. А мне позвольте дополнить письмо мое, или речи мои о себе, двумя последними моими стихотворениями⁶. Пусть они Вас несколько развлекут в людном Вашем уединении и, хочется думать, найдут себе отклик. Только не судите меня строго. Писалось тут немало, хотя и рядом с постоянной переводческой работой. Итак пишу о себе же. О других могу сообщить Вам очень мало: слишком

устаю от хождений неизбежных, выхожу из дому с трудом, вижу с немногими и преимущественно в полу-деловом плане. К Анне Андреевне⁷ никак до сих пор не могу собраться, хотя непременно хочу побывать у нее. От общих друзей знаю, что она здорова и деятельна, живет хорошо. Ждут издания ее стихов, но и тут, по-видимому, дело подвигается медленно⁸. Всего Вам хорошего. Прошу Вас, не сердиться на мое слишком долгое молчание.

Душою Вам преданный

Ю. Верховский

¹ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 452. Л. 2–3.

² Впервые разговор об издании избранных стихов Верховского зашел в начале 1940 г. 20 января 1940 г. он писал М.А. Цявловскому: «Упоминаемая тут вторая книга, предполагаемая в Библиотеке Поэта — сообщая доверительно, пока только для вас — том избранных моих стихотворений за 40 лет, предложенный к изданию правлением ССП» (ИРЛИ. Ф. 387. Ед. хр. 108. Л. 19). 27 января он договаривается о вступительной статье: «Становится на ноги издание Избранных моих Стихотворений и есть в этом деле одна статья, помимо стихов, очень, как вы согласитесь, для меня важная. А именно — статья вступительная. Мне предоставляется возможность предложить издательству желательного для меня автора статьи. Позвольте же просить вас взять это дело на себя» (Письмо к Д.Е. Михальчи от 27 января 1940 г. // РГБ. Ф. 768. Карт. 31. Ед. хр. 28. Л. 1). 11 февраля 1940 г. Верховский писал И.А. Новикову: «Советский писатель <...> наконец склонен издать избранные мои стихотворения» (РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 4. Ед. хр. 567. Л. 32; в этом же письме Верховский сообщает: «проделал огромную (оказалось) работу по перетряске, отбору и планировке сорокалетнего своего стишистого добра»). 6 марта 1940 г. он пишет Д.Е. Михальчи: «Не помню, писал ли я Вам, что главный мой советчик, близкий издательству и единственный там радатель — Ю.Н. Тынянов — дал мне такой деловой и дельный совет: начинать разговор в здешнем издательстве только тогда, когда будет у меня в руках весь материал, т.е. прежде всего готовить рукопись книги, а затем, кроме данной мне выписки из протокола заседания правления ССП, две требующиеся рецензии и личное письмо К.А. Федина к директору здешнего издательства. Ничего этого еще нет и не знаю, будет ли до моего отъезда в Москву, который еще не определен, но с каждым днем приближается: я здесь прописан до 14-го апреля и не знаю, удастся ли продлить прописку, если непременно понадобится» (РГБ. Ф. 768. Карт. 31. Ед. хр. 28. Л. 4 об.–5). В апреле того же года он сообщает Т.Г. Цявловской: «Дело с томом моих стихов почти не подвинулось, только еще заканчивается переписка (по безденежью и безбумажью); <...> без распоряжения из Москвы и это не двинется; как тут уедешь, хоть и давно пора — к новым митарствам?» (Письмо от 6 апреля 1940 г. // ИРЛИ. Ф. 387. Ед. хр. 390. Л. 1 об.). Издание не вышло: в письме Новикову от 31 декабря 1940 – 27 февраля 1941 автор сообщал: «Наконец — том моих стихов (“юбилейный”). После нескольких месяцев волокиты — совет: начинать все дело с начала — в Москве. Другой совет — связать его с собранием моих избранных переводов» (РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 4. Ед. хр. 567. Л. 34 об.).

³ Том избранных стихотворений Чулкова также не был напечатан.

⁴ Почти наверняка речь идет о выполненных Верховским переводах из Петрарки и Ронсара. Кроме того, «Советский писатель» заказал Верховскому подготовку текста и примечания к собранию стихов В.Г. Теплякова.

⁵ Александра Павловна Верховская (1877 или 1878 – после 1958). Установление дат ее жизни кажется не слишком простой задачей. В современном профильном справочнике о ней сказано: «Верховская Александра Павловна (1878–1942) — педагог, библиотечарь. До 1922 г. занималась преподавательской деятельностью.

В БАН работала с 1924 по 1937 г. в разных должностях, с 1 апреля 1933 г. библиотекарь при кабинете методологии. Участник расширенного заседания Ученого совета БАН 22 февраля 1933 г. по вопросу о реальных каталогах» (К истории разработки библиотечных классификаций в 1930-е годы. Сборник документов. Комментарированное издание. СПб.: БАН, 2018. С. 186). Есть надежда, что год рождения, выглядящий весьма правдоподобно, взят из ее личного дела в архиве Академии наук (Ф. 158. Оп. 7. Ед. хр. 47; нам оно осталось недоступным). При этом год смерти, вероятно, извлечен из справочника «Книга памяти. Блокада», где идет речь о другой Александре Павловне Верховской, 1890 г. р. Безусловно, в 1958 г. жена Верховского здравствовала: в нашем собрании хранится ее письмо к А. Звенигородскому от 13 декабря 1958 г. Среди прочего, там говорится: «Что же касается меня, то т. к. я 1877 г. рождения, то уже не пользуюсь транспортом, а выхожу только до угла в магазин. Иду с палкой, куплю что-нибудь и обратно. Делаю каждое утро гимнастику для ног и ползаю понемножку» (благодаря этому письмо, возможно, стоит пересмотреть утвердившийся в качестве года ее рождения 1878).

⁶ Приложены стихотворения «Даны простые чистые радости...» и «Коль хочешь плакать, плачь, но плачь один...» (опубликованы: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/268230.html>, <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/135271.html>).

⁷ А.А. Ахматова.

⁸ Речь идет о сборнике Ахматовой «Из шести книг» (Л.: Сов. писатель, 1940. 327 с.). О допечатной истории книги см.: [19, с. 91–93]. Из опубликованных здесь материалов следует, что книга была представлена в Ленинборглит в мае 1940 г. вместе с исходящей от директора «Советского писателя» просьбой поторопиться: «на одном из совещаний в Москве товарищ Сталин интересовался «почему не печатается Ахматова». Об этом тов. Фадеев сообщил писателям и литературным работникам Москвы» (С. 92).

Литература

1. «Несмотря на все, жить прекрасно...» (письма А.А. Блока к Ю.Н. Верховскому) / публ. К.Н. Суворовой // Встречи с прошлым. М.: Советская Россия, 1982. Вып. 4. С. 119–125.
2. Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог / под ред. В.Н. Орлова. М.: Ин-т рус. лит. АН СССР, 1975. Вып. 1: Письма Александра Блока. 495 с.
3. Блок А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: Худож. лит., 1963. Т. 7 / подгот. текста и примеч. Вл. Орлова. 548 с.
4. Богомолов Н. Вокруг «Серебряного века». Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 720 с.
5. Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / сост., вступ. ст., коммент. и биогр. словарь-указатель И.В. Тункиной. М.: Юрайт, 2008. 371 с.
6. Верховский Ю. Струны. Собр. соч. / сост., подгот. текста, статья и коммент. В. Калмыковой. М.: Водолей, 2008. 928 с.
7. Гершензон М.О. Переписка, 1895–1924 / изд. подгот. А.Л. Соболев. М.: Трунь, 2018. 816 с.

8. *Гуреева Л., Рипенко А.* Олександр Білецький // Спадщина: Літературне джерелознавство. Текстологія. Київ: ПЦ «Фоліант», 2009. Т. 4. С. 204–361.

9. *Дорожжина М.А.* Академик А.И. Белецкий — исследователь русской женской художественной прозы XIX в. // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 2016 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 139–151.

10. *Крих С.* Другая история: «периферийная» советская наука о древности. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 320 с.

11. *Лавров А.В.* Дружеские послания Вячеслава Иванова и Юрия Верховского // *Лавров А.В.* Символисты и другие. Статьи. Разыскания. Публикации. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 394–425.

12. Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Ответственный редактор А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2006. Т. 1. Ч. 2: Москва и Петроград. 1921–1922. 706 с.

13. *Муравьев В.* «Все здесь очень были бы рады вас видеть» // Памятники Отечества. <М.: НО «Редакция альманаха “Памятники Отечества”», 2003>. № 58. Музей России. Мураново. С. 117–121.

14. *Недоброво Н.В.* Милый голос. Избранные произведения / сост., примеч. и послесл. М. Кралина. Томск: Водолей, 2001. 351 с.

15. *Обатнина Е.Р.* От маскарада к третейскому суду («Судное дело об обезьяньем хвосте» в жизни и творчестве А.М. Ремизова) // Лица: Биографический альманах. СПб.: Феникс, 1993. Кн. 3 / ред.-сост. А.В. Лавров. С. 448–465.

16. Публикации и документы. Научный сборник / сост. и автор биогр. статей Н.С. Беляев. СПб.: Науч.-библиогр. архив Российской акад. художеств, 2006. Вып. 1. 62 с.

17. *Синельникова Е.Ф., Соболев В.С.* Петроградское философское общество и издательство «Academia» // Вестник архивиста. 2020. № 1. С. 299–301.

18. *Скалдин А.* Стихи и письма. Подготовка текста, послесловие и комментарии В. Вотрина // Новый мир. 2014. № 5. С. 120–135.

19. Цензура дает «добро» / публ. подгот. В.Ю. Волковым // Новый журнал (СПб). 1991. № 3. С. 91–93.

20. *Чельшев Е.П., Коробко М.Ю.* Усадьба Узкое и Владимир Соловьев. М.: Наука, 2012. 164 с.

21. *Черносвитова О.Н.* Материалы к биографии Федора Сологуба / вступ. ст., публ. и коммент. М.М. Павловой // Неизданный Федор Сологуб. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 221–260.

22. *Чулков Г.И.* Жизнь Достоевского / сост., подгот. текста, коммент. и вступ. ст. О.А. Богдановой. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 472 с.

23. Ю.Н. Верховский — профессор Пермского университета / публ. и коммент. С.А. Звоновой и Т.Н. Фоминых // Русская литература. 2005. № 2. С. 207–216.

Research Article and Publication of Archival Documents

Yu.N. Verkhovsky. Letters to G.I. Chulkov and N.G. Chulkov

© 2023. Alexander L. Sobolev
Independent Researcher

Abstract: It is the first time that the letters of Yury Nikandrovich Verkhovsky to Georgy Ivanovich and Nadezhda Grigorievna Chulkov are published in their entirety. This correspondence, which lasted almost 30 years, represents a significant source of knowledge about the history of Russian modernism: among those mentioned are A.A. Blok, V.I. Ivanov, A.M. Remizov, M.A. Tsiavlovsky, M.A. Zenkevich, A.S. Dolinin, Yu.N. Tynyanov, A.A. Akhmatova, A.N. Tolstoy, and many others. Particular letters are related to particular events of the cultural life: the poetry book series of the “Academia” publishing house; the famous “case of a monkey tail,” which has induced the rift in the literary world; Verkhovsky’s work on the commentary to the collected works of Y.A. Baratynsky; the attempts to publish the prose experiments of the prominent archaeologist B.L. Bogayevsky; the receptions of the lost novels of A.D. Skaldin. Especially noteworthy are materials to the letters author’s own life history: the article reveals the circumstances of the publication, existence, and reception of the collection of his poems “Sun in captivity,” the longstanding publication attempts of his D. Bocaccio’s “Ninfale fiesolano” translation, the subtleties of his work for the State Academy of Artistic Sciences and “Great Soviet Encyclopedia,” teaching at the Higher State Literary Courses — and the chain of domestic and worldly problems comparably essential to his biography, which were set out in detail in the messages to one of the rare confidants. Letters are accompanied by comprehensive historical and literary commentary.

Keywords: Yu.N. Verkhovsky, G.I. Chulkov, epistolary, symbolism, modernism, monkey tail, “Academia” publishing house, State Academy of Artistic Sciences.

Information about the author: Alexander L. Sobolev — Independent Researcher, Moscow, Russia.

E-mail: trirodov@gmail.com

For citation: “Yu.N. Verkhovsky. Letters to G.I. Chulkov and N.G. Chulkov,” notes and introd. article by A.L. Sobolev. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (27), 2023, pp. 56–96 (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-56-96>

References

1. “Nesmotria na vse, zhit’ prekrasno...’ (pis’ma A.A. Bloka k Iu.N. Verkhovskomu)” [“Despite Everything, It’s Great to Live...’ (Letters from A.A. Blok to Iu.N. Verkhovsky)”, publ. by K.N. Suvorova. *Vstrechi s proshlym [Meetings with the Past]*, issue 4. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1982, pp. 119–125. (In Russ.)
2. Orlov, V.N., editor. *Aleksandr Blok. Peregiska. Annotirovannyi katalog [Alexander Blok. Correspondence. Annotated Catalogue]*, issue 1: Pis’ma Aleksandra Bloka [Alexander Blok’s Letters]. Moscow, Institute of Russian Literature of the AS of the Soviet Union Publ., 1975. 495 p. (In Russ.)
3. Blok, A. *Sobranie sochinenii: v 8 t. [Collected Works: in 8 vols.]*, vol. 7, text prep. and notes by Vl. Orlov. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1963. 548 p. (In Russ.)
4. Bogomolov, N. *Vokrug “Serebrianaogo veka.” Stat’i i materialy [Around the Silver Age. Articles and Materials]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 720 p. (In Russ.)
5. Buzeskul, V.P. *Vseobshchaia istoriia i ee predstaviteli v Rossii v XIX i nachale XX veka [General History and Its Representatives in Russia in the 19th and Early 20th Centuries]*, comp., introd. article, comm. and biographic index dictionary by I.V. Tunkina. Moscow, Iurait Publ., 2008. 371 p. (In Russ.)
6. Verkhovskii, Iu. *Struny. Sobranie sochinenii [Strings. Collected Works]*, comp., text prep., article and comm. by V. Kalmykova. Moscow, Vodolei Publ., 2008. 928 p. (In Russ.)
7. Gershenzon, M.O. *Peregiska, 1895–1924 [Correspondence, 1895–1924]*, text prep. by A.L. Sobolev. Moscow, Truten’ Publ., 2018. 816 p. (In Russ.)
8. Gureeva L., and A. Ripenko. Oleksandr Bilec’kij. *Spadshhina: Literaturne dzhereloznavstvo. Tekstologija*, vol. 4. Kiev, PTs “Foliant” Publ., 2009, pp. 204–361. (In Ukrainian)
9. Dorozhkina, M.A. “Akademik A.I. Beletskii — issledovatel’ russkoi zhenskoi khudozhestvennoi prozy XIX v.” [“Academician A.I. Beletsky — Researcher of Russian Women’s Artistic Prose of the 19th Century”]. *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 2016 god. [Yearbook of the Manuscript Department of Pushkin House for 2016]* St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2017, pp. 139–151. (In Russ.)
10. Krikh, S. *Drugaia istoriia: “periferiinaia” sovetskaia nauka o drevnosti [Other Story: “Peripheral” Soviet Antiquity Studies]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020. 320 p. (In Russ.)
11. Lavrov, A.V. “Druzheskie poslaniia Viacheslava Ivanova i Iurii Verkhovskogo” [“Friendly Epistles of Vyacheslav Ivanov and Yuri Verkhovsky”]. Lavrov, A.V. *Simvolisty i drugie. Stat’i. Razyskaniia. Publikatsii [Symbolists and Others. Articles. Searches. Publications]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015, pp. 394–425. (In Russ.)
12. Galushkin, A.Iu., editor. *Literaturnaia zhizn’ Rossii 1920-kh godov. Sobytiia. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiia [Literary Life of Russia in the 1920s. Events. Reviews of Contemporaries. Bibliography]*, vol. 1, part 2: Moskva i Petrograd. 1921–1922 [Moscow and Petrograd. 1921–1922]. Moscow, IWL RAS Publ., 2006. 706 p. (In Russ.)

13. Murav'ev, V. ““Vse zdes' ochen' byli by rady vas videt'” [““Everyone Here would be Happy to See You””]. *Pamiatniki Otechestva* [*Monuments of Fatherland*], no. 58: Muzei Rossii. Muranovo [Museums of Russia. Muranovo]. <Moscow, NO “Redaktsiia Almanakha ‘Pamiatniki Otechestva’” Publ., 2003>, pp. 117–121. (In Russ.)

14. Nedobrovo, N.V. *Milyi golos. Izbrannye proizvedeniia* [*Sweet Voice. Selected Works*], comp., notes and afterword by M. Kralin. Tomsk, Vodolei Publ., 2001. 351 p. (In Russ.)

15. Obatnina, E.R. “Ot maskarada k treteiskomu sudu (‘Sudnoe delo ob obez’ian’em khvoste’ v zhizni i tvorchestve A.M. Remizova)” [“From the Masquerade to the Arbitration Court (‘The Case of a Monkey Tail’ in the Life and Work of A.M. Remizov)”]. *Litsa: Biograficheskii al'manakh* [*Faces: Biographical Almanac*], vol. 3. Moscow, St. Petersburg, Phoenix Publ., 1993, pp. 448–465. (In Russ.)

16. *Publikatsii i dokumenty. Nauchnyi sbornik* [*Publications and Documents. Scientific Collection*], issue 1, comp. and bibliographic articles by N.S. Beliaev. St. Petersburg, Nauchno-bibliograficheskii arkhiv Rossiiskoi akademii khudozhestv Publ., 2006. 62 p. (In Russ.)

17. Sinel'nikova, E.F., and V.S. Sobolev. “Petrogradskoe filosofskoe obshchestvo i izdatel'stvo ‘Academia’.” [“Petrograd Philosophical Society and ‘Academia’ Publishing House”]. *Vestnik arkhivista*, no. 1, 2020, pp. 299–301. (In Russ.)

18. Skaldin, A. “Stikhi i pis'ma” [“Poems and Letters”], text prep., afterword and comm. by V. Votrin. *Novyi mir*, no. 5, 2014, pp. 120–135. (In Russ.)

19. “Tsenzura daet ‘dobro’.” [“Censorship Gives the Go-ahead”], publ. prep. by V.Iu. Volkov. *Novyi zhurnal (SPb)*, no. 3, 1991, pp. 91–93. (In Russ.)

20. Chelyshev, E.P., and M.Iu. Korobko. *Usad'ba Uzkoie i Vladimir Solov'ev* [*Uzkoie Estate and Vladimir Solovyov*]. Moscow, Nauka Publ., 2012. 164 p. (In Russ.)

21. Chernosvitova, O.N. “Materialy k biografii Fedora Sologuba” [“Materials to the Biography of Fedor Sologub”], introd. article, publ. and comm. by M.M. Pavlova. *Neizdannyi Fedor Sologub* [*Unpublished Fedor Sologub*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1997, pp. 221–260. (In Russ.)

22. Chulkov, G.I. *Zhizn' Dostoevskogo*. [*Life of Dostoevsky*], comp., text prep., comm. and introd. article by O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2015. 472 p. (In Russ.)

23. Iu.N. Verkhovskii — professor Permskogo universiteta [Yu.N. Verkhovskiy — Professor of Perm University], publ. and comm. by S.A. Zvonova and T.N. Fominykh. *Russkaia literatura*, no. 2, 2005, pp. 207–216. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 03.07.2022
Одобрена после рецензирования: 30.09.2022
Дата публикации: 25.03.2023

The article was submitted: 03.07.2022
Approved after reviewing: 30.09.2022
Date of publication: 25.03.2023